Узы любви

Автор:
Джоанна Линдсей

Узы любви

Джоанна Линдсей

И только сердце знает #2Королева любовного романа

О помолвке между Вулфриком де Торпом, будущим графом Шеффордским, и леди Милисент Криспин объявили, когда невеста была еще шаловливым ребенком. Прошли годы, и наступило время свадьбы. С изумлением и восторгом обнаружил мужественный рыцарь, что угловатая девочка превратилась в чудную красавицу, словно созданную для нежной любви. Однако душа Милисент осталась прежней, и Вулфрику предстоит совершить невозможное – покорить гордое и независимое сердце девушки и зажечь в ней пламя страсти – неистовое и негасимое…

Джоанна Линдсей

Узы любви

© Johanna Lindsey, 1999

© Перевод. Т.А. Перцева, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Англия, 1214 год

Уолтер де Ротон, как и было приказано, терпеливо дожидался в передней, у закрытых дверей королевского кабинета. Надежда получить обещанную аудиенцию постепенно угасала, по мере того как минуты перетекали в часы и время близилось к вечеру. Его так и не позвали и вряд ли позовут сегодня. Правда, здесь собралось немало собратьев по несчастью, до сих пор не удостоившихся предстать перед королем Иоанном Безземельным. Уолтер отличался от остальных лишь тем, что сохранял видимое спокойствие, хотя на деле волновался ничуть не меньше. Просто лучше других умел скрывать свои чувства.

А нервничать было отчего. Иоанн Плантагенет, прозванный Безземельным, один из наиболее ненавистных монархов во всем христианском мире, отличался лживостью и коварством. Король, которому ничего не стоит повесить невинных детей, взятых в заложники, никак не заслуживает ни верности, ни преданности. Он решил, что убийство мальчиков послужит предостережением и устрашением для тех, кто посмеет выступить против короля. Что же, на этот раз замысел не удался. Бароны со страхом и отвращением проклинали кровавого деспота, и сторонников у Иоанна становилось все меньше.

Да и что говорить о человеке, дважды пытавшемся хитростью и подлостью отнять корону у родного брата – Ричарда Львиное Сердце. Уже два раза он был прощен благодаря заступничеству матери. Но после кончины Ричарда единственный претендент на трон, юный племянник Иоанна Артур, был подло убит, а сестра Артура, Элинор, больше половины жизни провела в заточении.

И все же некоторые жалели Иоанна, самого младшего из четырех сыновей короля Генриха. После того как королевство Генриха было разделено между тремя старшими братьями, Иоанну не осталось ничего. Совсем ничего. Поэтому прозвище Безземельный сопровождало его до конца жизни. Но как можно было жалеть человека, вступившего в такую ожесточенную войну с церковью, что папа был вынужден подвергнуть целую страну отлучению! Нет, такой монарх заслуживал лишь ненависти и гнева.

При мысли о гнусном нраве короля Уолтер забеспокоился еще больше, хотя, на посторонний взгляд, по-прежнему оставался невозмутимым. И в тысячный раз задавался вопросом: стоит ли игра свеч? И что, если, казалось бы, до мелочей продуманный план провалится?

Уолтер вполне мог прожить остаток дней своих, ни разу не попавшись на глаза Иоанну. Он был мелкопоместным бароном, которому совершенно не обязательно посещать двор и добиваться милости повелителя. Но в том-то и загвоздка. Он навсегда останется мелкой сошкой, если не попытается ничего изменить в своей судьбе.

Правда, однажды ему улыбнулось счастье. Много лет назад Уолтер встретил богатую наследницу огромного состояния и почтительно ухаживал за ней в надежде подцепить золотую рыбку, но девушку прямо из-под носа неудачливого поклонника украл куда более завидный жених – титулованный, высокородный лорд. Леди Энн Линдшир, чье приданое должно было принести Уолтеру не только богатство, но власть и влияние, отдала руку Гаю де Торпу, графу Шеффорду, удвоив тем самым его богатство. Семья де Торпов со временем стала одной из самых могущественных в Англии, а вот брак Уолтера оказался крайне неудачным, что лишь прибавляло горечи и бередило так и не зажившие раны. Правда, в свое время девушка считалась завидной невестой, но все ее земли находились в Ла-Марше и отошли к тамошним родственникам, когда Иоанн потерял свои французские владения. Уолтер мог бы сохранить приданое, если бы принес клятву на верность королю Франции, но в таком случае потерял бы все, чем владел в Англии, а здешнее поместье было намного больше.

В довершение ко всему жена, ничтожная, бесполезная особа, так и не родила ему сыновей, подарив всего лишь дочь. Но вот дочь, Клер, еще может пригодиться, особенно теперь, когда достигла брачного возраста – двенадцати лет.

Поэтому визит Уолтера ко двору преследовал две цели: месть и выгоду. Наконец-то он может взять реванш за оскорбление, нанесенное много лет назад, и заполучить всю собственность Шеффордов, выдав Клер замуж за их единственного сына и наследника.

Весьма хитроумный замысел, и для его осуществления настал самый подходящий момент! По всей стране ходили слухи, что Иоанн со дня на день снова попытается отобрать назад владения в Анжевене и для этого, возможно,

объявит войну Франции. А вот у Ротона имеется аппетитная «морковка», которой он и помашет перед носом корыстолюбивого монарха… если только сумеет предстать перед ним и изложить далеко идущие планы.

Наконец заветная дверь отворилась, и Честер, один из немногих лордов, к которым Иоанн все еще сохранял безграничное доверие, поманил Уолтера. Тот поспешил войти и упасть на колени перед королем. Иоанн нетерпеливым жестом велел ему встать.

Вопреки тайным надеждам Уолтера король был не один. В комнате присутствовала его жена Изабелла вместе с одной из фрейлин. Уолтер до сих пор не видел королеву так близко и сейчас, потрясенный ее несравненной прелестью, благоговейно замер, не отрывая от нее взгляда. Да, иногда и сплетни не лгут! Если она не самая прекрасная женщина на свете, то уж, совершенно точно, первая красавица Англии.

Иоанн был более чем вдвое старше жены и повел Изабеллу к алтарю, когда той было всего двенадцать. И хотя этот возраст считался брачным, большинство благородных лордов предпочитали подождать несколько лет, прежде чем произнести священные обеты. Но подобные церемонии были не для Иоанна, ибо Изабелла казалась чересчур зрелой для таких юных лет и к тому же была неотразимо, сказочно обольстительной. Ну как мог человек, известный своим распутством, устоять перед таким соблазном?

Не столь высокий, как брат Ричард, но тем не менее довольно привлекательный, хотя уже заметно полнеющий, Иоанн был единственным брюнетом в семье. В его черных волосах уже, однако, поблескивали серебряные нити, а зеленые глаза, унаследованные от отца, не так ярко сверкали.

Заметив неприкрытое восхищение Уолтера, Иоанн благосклонно улыбнулся. Он привык к подобной реакции и искренне наслаждался впечатлением, производимым женой. Законный повод для гордости. Но улыбка быстро растаяла. Час поздний, пора ужинать, и, если бы секретарь не предупредил, что один из баронов прибыл с неотложными новостями, Иоанн и не подумал бы задерживаться в кабинете. Поэтому его вопрос был до неприличия краток и деловит:

– Я тебя знаю?

Уолтер смущенно покраснел, словно его застали за чем-то недозволенным.

– Нет, ваше величество. Мы никогда не встречались, поскольку я редко бываю при дворе. Я Уолтер де Ротон, вассал графа Пембрука. Владею небольшим поместьем неподалеку от его замка.

– В таком случае тебе, вероятно, стоило сообщить свои вести Пембруку, который, в свою очередь, передал бы их мне.

– Не такого они рода, сир, чтобы доверять их постороннему… да и не совсем это новости, – был вынужден признаться Уолтер. – Просто я не знал, как лучше объяснить вашему секретарю, когда он осведомился, почему я прошу аудиенции.

Загадочный ответ немедленно возбудил любопытство Иоанна. Он и сам был человеком, искушенным в коварных намеках и хитростях.

– Не новости, но нечто такое, что мне необходимо знать, и это нельзя доверить даже сюзерену? – улыбнулся он. – Говори же, не томи.

– Не могли бы мы побеседовать с глазу на глаз? – прошептал Уолтер, многозначительно кивнув в сторону королевы.

Иоанн недовольно скривил губы, но все же показал Уолтеру на скамейку под окном в противоположном конце комнаты, подальше от женщин. Он мало что таил от прелестной молодой жены, но знал: некоторые вещи лучше не обсуждать с любящими посудачить дамами. Он направился к окну, захватив с собой кубок. Король не предложил вина собеседнику, и нетерпение властителя было почти ощутимым.

Едва они уселись в глубокой нише под окном, Уолтер немедленно приступил к делу:

– Вы, ваше величество, вероятно, осведомлены о помолвке, заключенной с благословения вашего брата Ричарда много лет назад между наследником Шеффорда и дочерью Криспина?

– Да, слышал что-то. Весьма опрометчивый договор, заключенный между друзьями. Жених не получит прибыли.

– Не совсем так, ваше величество, – осторожно заметил Уолтер. – Может, вам неизвестно, сир, что Найджел Криспин разбогател? Он вернулся из Святой земли с весьма значительным состоянием, большая часть которого предназначена невесте в приданое.

– Состояние?

Глаза короля жадно блеснули. Ему вечно не хватало денег, а без них невозможно править королевством, как подобает могучему властелину. Казна опустела еще с тех пор, как Ричард истратил все золото на проклятые крестовые походы. Но возможно, для мелкопоместного барона любая жалкая сумма, на которую Иоанн даже не взглянул бы, кажется целым богатством? Поэтому он поспешил уточнить:

– Что ты имеешь в виду? Несколько сотен монет и золотую посуду?

– Нет, ваше величество, настоящее сокровище, достойное самого короля.

Иоанн, не веря своим ушам, поспешно вскочил. В эти скудные годы безденежья и неурожаев единственным сокровищем, достойным упоминания, мог быть только выкуп за Ричарда Львиное Сердце, захваченного когда-то в плен врагами при возвращении домой из Святой земли.

– Более ста тысяч марок?

– Вдвое больше, – заверил Уолтер.

– Но каким образом тебе стало это известно?

– Среди близких знакомых и приятелей лорда Найджела это никогда не являлось секретом, как и героическая повесть о том, что он едва ли не ценой жизни спас вашего брата, добыв таким образом не только славу, но и золото. Лорд Найджел попросту не любит болтать, да и не мудрено: в округе бродят шайки воров и грабителей. Я сам услышал об этом случайно, когда пошли разговоры о близкой

свадьбе и о том, какие толстые кошели принесет невеста жениху.

– И сколько же будет лежать в тех кошелях?

– Семьдесят пять тысяч марок.

– Неслыханно! – воскликнул Иоанн.

– Но вполне понятно, особенно потому, что земельные владения Криспинов совсем невелики. Не то что у Шеффордов. Похоже, лорд Криспин – человек скромный, не любит хвастаться и довольствуется своим маленьким замком и несколькими деревнями. Клянусь Богом, немногие понимают, какую власть может он приобрести, если пожелает. С такими деньгами ему ничего не стоит нанять целую армию, если, конечно, возникнет необходимость.

Иоанн не нуждался в дальнейших объяснениях.

– Следовательно, породнившись, оба семейства станут куда более могущественными, чем даже Пембрук и Честер!

Он благоразумно не упомянул наряду с ними самого себя, поскольку в последнее время бароны решительно игнорировали его требования или нагло отказывались прийти на помощь, не говоря о том, что в разных концах страны то и дело вспыхивали восстания. Но Уолтер все понял.

– Значит, сир, и вы видите необходимость воспрепятствовать этому союзу? – почтительно спросил он.

– Пока я вижу и помню, что Гай де Торп никогда и ни в чем мне не отказывал, всегда и во всем поддерживал и даже не раз посылал сына и хорошо вооруженное войско сражаться на моей стороне. Вижу, что это безземельное ничтожество Найджел Криспин живет припеваючи и не платит налогов в казну! Беда в том, что, если я расторгну эту помолвку, оба приятеля, – с отвращением заметил Иоанн, – обретут вескую причину объединиться, но на этот раз против меня!

– А если кто-то другой помешает осуществлению их планов? – хитро прищурился Уолтер.

Иоанн громко загоготал, чем привлек любопытные взоры женщин.

– Признаюсь, ничуть не пожалел бы.

Уолтер блаженно улыбнулся. На это он и рассчитывал!

– Было бы совсем неплохо, сир, когда Шеффорд начнет искать новую невесту, предложить ему девушку, владеющую богатыми землями по другую сторону канала. Он неизменно посылает своих рыцарей сражаться за вас в Англии и Уэльсе, но отделывается денежными взносами, когда речь идет о Франции, поскольку там у него нет никаких поместий. Но если земли невестки окажутся, скажем, в Ла-Марше, он лично приглядит за тем, чтобы граф Ла-Марш больше вас не беспокоил. А три сотни рыцарей, согласитесь, стоят куда больше, чем жалкая сотня наемников, которых можно купить за тот налог, что платит Шеффорд.

Иоанн довольно кивнул. Барончик прав: спору нет, один преданный, хорошо обученный рыцарь легко победит с полдюжины солдат удачи. А уж триста… С такими можно выиграть любую битву.

– Полагаю, владения твоей дочери именно в Ла-Марше? – справился Иоанн, хотя заранее знал ответ.

– Истинно так, сир.

– В таком случае стоит, пожалуй, упомянуть о ней, когда отродье Шеффорда пустится на поиски новой невесты. Не вижу причин, почему бы ей не стать графиней.

Это трудно было назвать обещанием, да и всем было известно, что король отнюдь не из тех людей, кто привык держать слово. Однако Уолтеру хватило и этого.

Глава 2

– Тебе известно мое отношение к этому браку, отец. Готов назвать хоть сотню девиц, куда более подходящих к роли жены графа Шеффорда. Да что далеко ходить, есть и такие, которых мне хотелось бы повести к алтарю, но ты не нашел ничего лучшего, чем приковать меня к доченьке старинного приятеля. Заметь, она не принесет в приданое ничего, кроме груды монет, которых нам и так девать некуда.

Гай де Торп поглядел на сына и тяжело вздохнул. Вулфрик был поздним ребенком и появился на свет, когда отец уже отчаялся иметь наследника. Когда он родился, две его сестры уже были замужем и подарили Гаю внуков. Получилось так, что племянники были старше дяди! Зато теперь Гай мог по праву гордиться своим безупречным и единственным законным сыном. То есть почти безупречным. Ах, если бы не его проклятое упрямство и вечное стремление спорить с отцом!

Подобно Гаю Вулфрик вырос настоящим богатырем, широкоплечим, мускулистым, закаленным годами постоянных тренировок и бранного труда. У обоих были густые темные волосы и синие глаза, унаследованные от деда, хотя у Гая глаза были светлые, а у сына – почти черные. Кроме того, густая грива Гая за последние годы почти побелела. Квадратный волевой подбородок сына был совсем как у Энн, да и прямой патрицианский нос он унаследовал от родственников с материнской стороны. В то же время Вулфрик походил на Гая. Правда, девицы на выданье считали, что де Торп-младший не в пример красивее.

– Именно поэтому ты постоянно ввязываешься в драку? Ты не боишься, что тебя могут ранить и придется долгое время провести в постели? Неужели надеешься таким образом оттянуть свадьбу?

У Вулфрика хватило совести покраснеть и втайне удивиться проницательности отца. Но смириться с тем, что его так легко разгадали, он не хотел.

– В тот единственный раз, когда мы встретились, она натравила на меня своего сокола. Проклятая птица могла выцарапать мне глаза.

– Так вот почему ты неизменно отказывался поехать со мной в Данбер-Касл? – поразился Гай. – Иисусе, Вулф, да тогда она была совсем крошкой! Неужели ты затаил зло на ребенка?

Вулфрик ярко вспыхнул, скорее от полузабытого гнева, чем от смущения.

– Эта самая крошка – настоящая ведьма, отец. Да и на девочку она не походила. Скорее на сорванца, с которым сладу нет! Всюду лезла, сквернословила, кидалась на всякого, кто слово поперек скажет. Но дело не в этом. Я просто не желаю на ней жениться. Мне нужна Эгнис Иорк. Вот это женщина!

– Зачем?

Вулфрик недоуменно поднял брови:

– Зачем?!

– Вот именно, зачем она тебе? Ты ее любишь?

– Не знаю. Просто мне хотелось бы видеть ее в своей постели. Но любовь? Сомневаюсь…

Гай с облегчением улыбнулся.

– В этом нет ничего дурного. Плотские утехи – штука неплохая, что бы там ни твердили святые отцы. Везет тем мужчинам, чьи постели греют страстные бабенки, но настоящее счастье в истинной любви. Правда, тебе, как и мне, хорошо известно, что для брака не требуется ни того ни другого.

– Значит, я безумец, предпочитающий вожделеть к собственной жене, а не к ее служанкам, – раздраженно констатировал Вулфрик.

Настала очередь Гая залиться краской. Ни для кого не было секретом, что он не питал особо пылких чувств к супруге. Но относился к ней дружески, с симпатией и величайшим уважением, соответствовавшими ее положению, и никогда не заводил любовниц в замке. В отличие от своего друга Найджела, до сих пор скорбевшего о потере горячо любимой жены, Гаю не пришлось испытать

сильного чувства. Да он и не жалел об этом. Похоть – дело другое. За это время у него перебывало бесчисленное множество любовниц. К счастью, во взгляде сына не было осуждения. Он и сам не пропускал ни одной юбки, так что не ему кидать камни в грешника. Тем не менее Гай не счел нужным объяснить, почему сам ищет удовольствий на стороне, а не в супружеской постели.

Мужчина так редко получает то, к чему стремится! Но такова жизнь!

Вместо нравоучений Гай просто заметил:

– Я не стану позорить нашу семью разрывом брачного контракта. Ты знаешь, что Найджел Криспин – мой самый близкий друг. Он спас мне жизнь, когда в бою меня придавило трупом лошади и сарацинский меч уже был занесен над моей головой. Чем я могу отплатить этому благороднейшему человеку? Да он ничего и не хотел принимать! В благодарность я отдал ему самое дорогое – тебя, и то, когда у него наконец появились дочери. Союз наших семей в то время был не так важен, да и он мало что мог дать за невестой в то время.

– В то время? Хочешь сказать, сейчас что-то изменилось? – презрительно фыркнул Вулфрик.

Гай снова вздохнул:

– Если бы король требовал от нас лишь сорокадневной военной службы, полагающейся по закону, я не вижу в этом ничего страшного, но его требования непомерны. Он снова и снова призывает тебя на войну, и ты покорно идешь. Даже сейчас, едва вернувшись домой, ты поговариваешь о том, что намерен вместе с ним пересечь канал, вспоминаешь о распрях с французским королем и следующей кампании. Ну так вот, пора ставить точку. Нам не по карману содержать и свое войско, и армию короля.

– Ты никогда не упоминал о необходимости экономить, – упрекнул Вулфрик.

– Не хотел, чтобы ты волновался перед битвами. И не в таких уж мы стесненных обстоятельствах, просто кошели наши поистощились, особенно после прошлогоднего визита короля со всем двором. Но он и сам знает, какой урон наносит подданным, поэтому никогда не задерживается долго в одном месте. А восстание в Уэльсе? Вспомни, как тебе было нечем кормить своих людей, потому

что валлийцы жгли фермы и прятались в горах!

Гай ничего больше не сказал, но Вулфрик нахмурился, вспомнив, какой бесплодной и бесполезной оказалась война в Уэльсе. Местным жителям и в голову не приходило встретить врага с открытым забралом. Они устраивали засады, нападали исподтишка, и много верных людей Вулфрика сложили там головы.

– Хочу лишь объяснить, Вулф, что твоя жена принесет нам…

– Она еще не моя жена! – взорвался Вулфрик.

Но Гай, словно не слыша, продолжал:

– Твоя жена принесет нам все то, чего так недостает семье Шеффордов. Мы заключили немало могущественных военных союзов. Все пять твоих сестер удачно пристроены. Земли у нас хватает, хотя после свадьбы, если понадобится, можно прикупить еще, построить новые замки, приобрести скот… Иисусе, Вулф, да с тем богатством, что у нее… И нечего кривить губы – от денег еще никто не отказывался!

Гай хорошенько промочил горло вином, прежде чем перейти к главному:

– Кроме того, ты так долго заставил ее ждать, что пойти на попятную сейчас – значит нанести смертельное оскорбление, ведь только из-за тебя она считается едва ли не старой девой. Но больше тянуть невозможно. Пора ехать за невестой и покончить с неопределенностью раз и навсегда. На этой неделе ты отправляешься в Данбер.

– Это приказ? – сухо осведомился Вулфрик.

– Да, если угодно. Я не разорву контракт, Вулф. Слишком поздно. Девушке исполнилось восемнадцать. Неужели ты опозоришь меня, отказавшись от бедняжки?

– Нет, – разъяренно прошипел Вулфрик, – я покоряюсь. И даже женюсь на ней, хотя далеко не уверен, что буду жить с этой… этой… – Резко повернувшись, он

устремился прочь.

Гай смотрел вслед сыну, пока тот не исчез из виду, и лишь потом угрюмо уставился в огонь. Стояла глухая ночь. Он дождался, пока Энн и ее дамы покинут большой зал, прежде чем послать за Вулфриком. Может, все-таки следовало попросить помощи у Энн…

Вулфрик никогда не спорил с матерью… не то что с отцом. Наоборот, он словно бы находил удовольствие в том, что исполнял малейшие ее желания, ибо любовь его к матери была поистине безмерна. А Энн еще сильнее Гая хотела, чтобы сын поскорее женился. Именно она постоянно настаивала, чтобы Гай поговорил с Вулфриком, прежде чем тот сбежит на очередную войну. Очевидно, не могла дождаться, пока ее сундуки вновь наполнятся. Но Энн по крайней мере могла добиться согласия сына, и тот беспрекословно подчинился бы, не выказав ни гнева, ни ненависти.

Несчастная дочь Найджела. Гай, бесспорно, оказывает ей медвежью услугу, вынуждая своего сына жениться на ней.

Глава 3

До Данбера было всего полтора дня пути, но Вулфрик взял с собой десяток воинов и несколько рыцарей, не столько для своей защиты, сколько для сопровождения дамы и ее слуг на обратном пути: слишком много развелось в последнее время разбойников и мародеров. Некоторые бароны, подвергшиеся несправедливому изгнанию и лишению всех прав, нападали на тех, кто все еще оставался в милости у короля. Так что даже если бы Гай не настоял на мерах предосторожности, Вулфрик захватил бы целый отряд. Нельзя позволить отцу обвинить его в том, что он по небрежности или злому умыслу лишился невесты.

Невеста… При одном воспоминании об этой тощей дьяволице мурашки по спине ползут. Вулфрик тихо зарычал. Сводный брат недоуменно поднял брови.

Шел второй день путешествия, и они только что свернули лагерь и в самом веселом настроении пустились в путь. Поскольку не так легко найти ночлег для

такой оравы, приходилось разбивать шатры у дороги. На обратном пути наверняка придется поискать постоялый двор или воспользоваться гостеприимством местных баронов: уж она непременно захочет провести ночь в теплой кровати.

– Ты так и не смирился с женитьбой? – спросил Реймунд, сочувственно глядя на брата.

– Нет, и вряд ли смирюсь, – признался Вулфрик. – Чувствую себя так, словно меня купили, заплатив полновесной монетой. До чего же противно!

– Но ведь это наш отец, а не ее предложил помолвку! – удивился Реймунд. – Будь все наоборот, я согласился бы. Но…

– Брось, слушать больше ничего не желаю…

– Ну уж нет, лучше перекипеть сейчас, чем выплеснуть все на ни в чем не повинную девушку, – остерег Реймунд. – Но что так раздражает тебя в этом браке, Вулф?

– Не представляешь, до чего же отвратительным бесенком она была в детстве! – вздохнул Вулф. – Я ее возненавидел тогда. И не надеюсь, что за эти несколько лет она изменилась. Боюсь, она всегда будет мне омерзительна.

– Что же, не ты первый, не ты последний, – усмехнулся Реймунд. – Если хочешь брака по любви, следовало бы родиться селянином. Они вольны выбирать себе супругов. Аристократы лишены подобной роскоши.

Он так явно злорадствовал, что Вулфрик погрозил брату кулаком. Тот со смехом уклонился от удара.

– Нечего напоминать мне, что женился по любви и трясешься над своей половиной, – возмутился он. – Кроме того, ты не крестьянин!

Реймунд с любовью улыбнулся Вулфрику, ибо не всякий аристократ с такой легкостью признал бы родство с незаконнорожденным. Мать Реймунда в самом деле была деревенской девушкой, что поставило мальчика в незавидное

положение: как говорится, ни пава, ни ворона! Но Реймунду повезло больше, чем бесчисленным бастардам – внебрачным детям аристократов. Гай признал его, даже усыновил и обучил рыцарскому искусству. Когда юношу посвятили в рыцари, отец наделил его небольшим поместьем, которое тот с гордостью называл своим.

Реймунд сумел завоевать сердце любимой женщины – дочери сэра Ричарда Элоизы. Ричард, безземельный рыцарь, служил у Гая без всякой надежды найти мужа или приданое для единственного ребенка и, естественно, был безмерно рад предложению Реймунда. Нет, Реймунд не завидовал брату, единственному наследнику богатого графа. Он вел простую жизнь и был всем доволен. Вулфрику же приходилось нелегко.

– Когда ты в последний раз ее видел? – поинтересовался он.

– Лет двенадцать назад.

Реймунд комически закатил глаза.

– Кровь Христова, и ты серьезно считаешь, что она осталась той же? И никто не позаботился научить ее вести себя, как подобает даме ее происхождения и воспитания? Да она скорее всего станет умолять простить ее за доставленные неприятности. Кстати, а чем она так тебя разозлила?

– Ей тогда было всего шесть, а мне уже тринадцать. В отличие от этой негодницы я прекрасно сознавал, какие узы нас связывают. Как-то раз я, желая поговорить с девчонкой, отправился на поиски и нашел у клеток с соколами и ястребами, в компании двух парнишек, ее ровесников. Она показывала им огромного сокола и хвасталась, что он принадлежит ей. Даже посадила птицу себе на руку. Черт возьми, да этот сокол был едва не больше самой девчонки!

Перед глазами Вулфрика ясно, словно это было вчера, встала та сцена. Его невеста, грязная, растрепанная, будто каталась по земле, пикантная мордочка вся в саже. Длинные ноги предательски свидетельствовали о том, что вместо подобающего юной даме красивого платья она напялила шоссы[1 - Штаны-чулки. – Здесь и далее примеч. пер.] с подвязками крест-накрест и мужскую тунику из грубой шерсти.

Честно признаться, ему потребовалось немало времени, чтобы распознать, кто из троих оборванцев – его невеста. Правда, те, кого он расспросил, как добраться до конюшни, предупредили его о несколько необычном наряде леди Криспин. Все в замке Данбер дружно подсмеивались над поведением и манерой одеваться дочери лорда Найджела. Что и говорить, подобные замашки никак не подобали благородной госпоже. Только простолюдины иногда одевали девочек в мужской костюм, если таковой имелся в доме и если им не по карману были женские платья. Но какая высокородная особа будет шляться по округе в штанах и камзоле, словно побродяжка? Только леди Милисент! Кроме того, лицо девочки, как уже упоминалось, было донельзя чумазым, а каштановые волосы она гладко зачесала назад, так что пойди разберись, кто из троих и есть его будущая жена!

Только когда кто-то окликнул ее по имени, Вулфрик понял, что именно она держит на руке огромную птицу, причем даже без колпачка. Неужели не понимает, как опасны охотничьи соколы?! Кроме того, таких маленьких детей нельзя и близко подпускать к клеткам! Должно быть, озорники пробрались сюда, стоило сокольничему отойти.

И тут он услышал, как девочка громко хвастается своим доверчивым дурачкам приятелям:

– Теперь она моя. И берет еду только у меня.

Ее? Ее собственный сокол?

Вулфрик, не сдержавшись, презрительно фыркнул, и этот звук привлек ее внимание. Девочка, оглянувшись, без всякого любопытства равнодушно посмотрела на незнакомца. Похоже, она не поняла, что он чуть не выставил ее лгуньей.

– Кто ты? – спокойно осведомилась она.

– Я тот человек, с которым тебя обвенчают, когда подрастешь.

Вулфрик так и не понял, почему она сочла эти слова оскорбительными, ведь он всего-навсего сказал правду, но, судя по тому, как полыхнули светло-зеленые глаза, как налились золотистым жаром, она была вне себя от ярости.

– Девчонка просто взбесилась, назвала меня лжецом и осыпала самыми гнуснейшими ругательствами из всех, что я когда-либо слышал, – объяснил Вулфрик Реймунду. – А потом приказала, именно приказала, мне убираться с глаз долой.

Реймунд безуспешно попытался сдержать смех.

– Иисусе, такие слова от малого дитяти?!

– Скорее дьяволицы! – рявкнул Вулфрик. – А когда я не послушался, просто потому что не смог пошевелиться от изумления, она злобно сузила глаза и чуть приподняла руку. И этого оказалось достаточно, чтобы чертова птица ринулась на меня. Я едва успел прикрыться рукой. И в этом была моя ошибка. Острый, как кинжал, клюв вонзился между костяшками пальцев, причем намертво. Как я ни отбивался, птица все яростнее атаковала меня.

Реймунд тихо присвистнул:

– Повезло, что ты не потерял палец.

– Зато шрам остался на всю жизнь. Наконец мне удалось стряхнуть сокола. Ужас и отчаяние придали мне сил, и птица с глухим стуком ударилась о стену. Уж не знаю, убил ли я ее, но маленькая ведьма, очевидно, посчитала, что ее любимица мертва, потому что немедленно набросилась на меня и принялась колотить. Правда, ей ничего это не дало, потому что я был достаточно высок для своих лет, а она едва доходила мне до пояса. Но негодяйка укусила меня, и когда я взвыл от боли, один из ее ударов пришелся точнехонько в то место, которое так старательно оберегают все мужчины, и я, едва не лишившись сознания, упал на колени.

Реймунд ехидно ухмыльнулся:

– Что же, поскольку за тобой тянется длинный хвост обезумевших от похоти баб, смею заверить, что последствия оказались не слишком серьезны.

Вулфрик ответил разъяренным взглядом.

– Не вижу ничего смешного, братец. Я корчился от мук, а она продолжала издеваться надо мной, и теперь, когда мы оказались одного роста, ее удары сыпались прямо мне на голову. Она едва не выцарапала мне глаза! Все лицо было исполосовано!

На самом деле ему пришлось куда хуже, только Вулфрик стыдился признать всю правду вслух. Но он корчился от боли в паху, кровь из раны, нанесенной птицей, заливала пол, его одежду и девчонку, а она… Она была поистине неутомимой: кулаки мелькали в воздухе, ругательства сыпались с губ – словом, настоящая молния, а ему все не удавалось схватить ее за руки или отбросить от себя. Стоило поймать ее, как она змейкой выворачивалась и снова принималась за свое.

Ему следовало бы врезать ей хорошенько, так, чтобы долго помнила, но он в жизни пальцем не коснулся ни ребенка, ни того, кто был меньше и слабее, а тем более женщины. Но, неуклюже пытаясь обороняться, он лишь причинял вред себе. Наконец ему пришлось отшвырнуть ее как можно дальше, выиграв тем самым достаточно времени, чтобы подняться и, ежесекундно спотыкаясь, убраться восвояси.

Благодарение Богу, больше Вулфрик ее никогда не видел. Постарался и близко не подходить к Данберу. Он скрыл происшедшее от отца, но под самым правдоподобным предлогом как можно скорее вернулся к сэру Эдварду, кому был отдан на воспитание с семи лет и где встретился и подружился с Реймундом, который был также послан к сэру Эдварду Фитцаллену для обучения ратному делу и рыцарскому этикету. После того случая Вулфрик всегда находил причину покинуть дом, едва Гай объявлял о предстоящем приезде сэра Найджела с семьей. Нечего и говорить, что воспоминания с годами не поблекли.

– Надеюсь, ты понимаешь, – благоразумно заметил Реймунд, – что теперь она совершенно не похожа на ту шестилетнюю чертовку и что кто-то непременно взял ее в руки и научил хорошим манерам.

– Знаю, – угрюмо бросил Вулфрик. – Она больше не накинется на меня с кулаками: просто не посмеет. Но как можно научить прирожденную сварливую ведьму доброте и обходительности?

– Нежные слова и ласковое обращение творят чудеса.

– Я в учителя не гожусь, – пробурчал Вулфрик, – а тому, кто взял на себя этот тяжкий труд, никак не позавидуешь. Возможно, ей и удается выглядеть настоящей леди – кто знает? – но под модными платьями наверняка скрывается все тот же коварный бесенок. Клянусь, стоит ей прищурить свои кошачьи глазки…

– И что ты сделаешь?

– Сам не знаю, – вздохнул Вулфрик.

Глава 4

– Если я верно припоминаю, через час должен показаться Данбер-Касл, – заметил Вулфрик, внимательно оглядывая окрестности. – Он как раз за вон тем холмом. Собственно говоря, мы могли бы сократить путь, поехав напрямик через этот лес, поскольку дорога здесь делает несколько крутых поворотов.

В зарослях была протоптана неширокая тропинка: очевидно, многие поддавались соблазну выиграть время. Листьев на деревьях почти не осталось, и лес просматривался чуть ли не насквозь: можно было заметить пожелтевший луг у противоположной опушки, а за ним и деревню.

– Подумать только, двенадцать лет ты избегал этого места как чумы, а теперь просто рвешься туда, – поддел Реймунд.

– Я промерз до костей, и мне не терпится поскорее добраться до теплого очага, – пояснил Вулфрик, вызывающе уставясь на брата.

Реймунд не придал ни малейшего значения его взгляду и согласился, что в такую погоду неплохо бы согреться чем покрепче. Небо было ясным, но ледяной ветерок проникал под одежду. Раз до жаркого огня и крыши над головой еще далеко, не мешало бы размяться.

– Что скажешь, если мы устроим скачки? Кто быстрее одолеет последнюю лигу?

– Самый верный способ оказаться перед закрытыми воротами и поднятым мостом – мчаться во весь опор к замку, особенно когда обитатели никак не могут сообразить, кого это Бог послал – врагов или друзей! Нет, так только время потеряешь. Уж лучше пересечь лес и подъехать с обратной стороны, через деревню.

И, не дожидаясь ответа, Вулфрик направил коня к тропинке. Вскоре они добрались до луга, миновали стороной деревню, опасаясь вызвать ненужную суматоху среди жителей. Однако выяснилось, что замок находится еще за одной рощей: над вершинами деревьев наконец показались каменные башни. Здесь заросли были погуще, и хотя листва на кустах уже пожухла, стройные сосны гордо зеленели.

На полпути между замком и деревней лошади заволновались, услышав звон оружия. Но Вулфрик лишь улыбнулся. Он был прирожденным воином, проведшим в боевых схватках едва ли не всю жизнь, опытным и искушенным в военных хитростях и наслаждавшимся доброй стычкой. Реймунд вполне разделял его чувства, поэтому оба рыцаря, понимающе переглянувшись, пришпорили коней. За следующим поворотом они и в самом деле наткнулись на настоящее сражение.

Сначала им показалось, что они стали свидетелями учебного боя, но, заметив среди дерущихся женщину, изменили мнение. Тут дело нечисто, тем более что и мужчин многовато. Четыре всадника и человек семь пеших. Беда в том, что на всех надеты толстые зимние накидки и битва идет не на жизнь, а на смерть, так что невозможно определить, кто из них обитатели Данбера, а кто враги. Именно поэтому Вулфрик замешкался: не мог же он начать убивать всех без разбору! Он велел своим людям остановиться. Незнакомцы, казалось, не обращали никакого внимания на посторонних, поэтому Вулфрик, привстав в стременах, прогремел:

– Кому здесь нужна помощь?

Не получив ответа, он был вынужден еще повысить голос, перекрывая шум и лязг оружия. Наконец ему удалось привлечь внимание сражавшихся, и на несколько секунд в лесу воцарилась полная тишина. Противники молча разглядывали вновь прибывших.

Первыми опомнились всадники и, повернув коней, исчезли в чаще. Должно быть, поспешили скрыться в Данбере, посчитав, что нападающие получили подкрепление. Но нет, вряд ли они бросили бы женщину, которая вышла вперед, чтобы приветствовать их изящным реверансом. Плащ ее распахнулся, открыв богатый наряд. Значит, она леди, и притом настоящая красавица! И как перепугана! Побелевшее от страха лицо едва заметно порозовело. Барбет[2 - Широкий венец с полотняной повязкой, охватывавшей голову и подбородок.] сбился, открыв темно-каштановые волосы оттенка дорогого собольего меха. Светло-зеленые прозрачные глаза смело смотрели на него…

Зеленые глаза? Иисусе, неужели это она? Его нареченная, скромно, как подобает истинной даме, выражает благодарность за спасение? Нет, ему просто не может так везти! Этот благоухающий цветок женственности? Невероятно! Даже голос, мягкий, как самый лучший бархат!

– Ваше прибытие не могло быть более своевременным, милорд, – промурлыкала она. – Я искренне благо…

Но очаровательной даме не дали закончить учтивую речь. Совсем молодой парнишка, грубо отпихнув ее в сторону, злобно рявкнул Вулфрику:

– Ну что сидишь, как олух царя небесного? Перепил, что ли? Давай за ними! Их нужно во что бы то ни стало схватить и привести в Данбер!

Вулфрик негодующе застыл, потрясенный столь грубым обращением. Его в жизни так не оскорбляли! Наглый мальчишка лет четырнадцати был одет хуже самого бедного простолюдина. И это все, что успел заметить Вулфрик, поскольку не задумываясь спешился, чтобы как следует отделать зазнавшуюся чернь. Но прежде чем ноги коснулись земли, уши резанул все тот же ненавистный голос:

– И эти неумехи тупоголовые еще называют себя рыцарями! Предложить помощь сумеет каждый, а вот помочь на деле…

Вулфрик мгновенно оказался в седле и послал коня вперед. У глупого юнца не хватило сообразительности, чтобы отскочить. Он, вызывающе скалясь, ждал, преградив дорогу вооруженному всаднику! Словно подначивал Вулфрика забыть о рыцарском кодексе чести и поднять руку на слабого. Но Вулфрик всегда

восхищался храбростью. Храбростью, а не глупостью. Парень, должно быть, спятил, если смеет дерзить взрослому воину. И это единственное, что удержало руку Вулфрика и спасло глупца от хорошей трепки. Вулфрик не издевается над женщинами, детьми и деревенскими дурачками.

Поэтому он спокойно заметил:

– А ты предпочел бы драться до конца и проиграть схватку? Я остановил побоище, но большего не обещал.

– Ты позволил им скрыться! – яростно завопил подросток.

– Я не шериф, чтобы гоняться за грабителями, и если скажешь еще хоть слово, щенок, велю отрезать тебе язык и подать его на ужин.

Поняв, что дело оборачивается плохо, леди выступила вперед, загородив мальчишку собой, и умоляюще протянула руки Вулфрику.

– Пожалуйста, – едва не заплакала она, – не нужно. Заклинаю вас.

Должно быть, парень – ее слуга, иначе она не заступалась бы за него. Довольный, Вулфрик едва не расплылся в улыбке. Какое сокровище достанется ему! При одной мысли об этом он готов сделать для нее все на свете!

– Как пожелаете, госпожа моя. Могу я сопровождать вас в Данбер, тем более что и мы туда направляемся?

Девушка застенчиво кивнула.

– Вы собираетесь погостить у отца?

На этот раз Вулфрик просиял. Если у него и оставались какие-то сомнения в том, что перед ним его невеста, теперь они окончательно развеялись.

Он со всей мыслимой осторожностью поднял драгоценную ношу в седло и усадил перед собой. Она весила не больше ребенка. И благоухала летними розами. Боже, да счастливее его нет человека на свете!

– Я в самом деле приехал, чтобы повидаться с лордом Найджелом и с вами, – многозначительно шепнул он.

Леди повернулась. Прелестные глаза удивленно округлились.

– Со мной?

– Наверное, мне давно следовало представиться. Я Вулфрик де Торп и счастлив и рад снова встретиться с вами, госпожа моя.

И тут кто-то громко охнул. Не женщина. Звук доносился откуда-то снизу. Опустив глаза, Вулфрик заметил только давешнего недоумка, во все лопатки мчавшегося к замку.

Вулфрик нахмурился было, решив про себя попросить лорда Найджела как следует проучить бездельника, но, вслушавшись в следующую фразу, обмер.

– Но мы никогда раньше не виделись, господин. Тут какая-то ошибка.

Вулфрик с облегчением вздохнул. Превосходно. Из ее памяти совершенно выпало их первое, весьма неудачное свидание, и, поскольку ему страстно хочется забыть о прежних распрях, он и не подумает ей напомнить.

Поэтому он покорно кивнул:

– Вы правы, но я не солгал, утверждая, с каким удовольствием смотрю на вас, госпожа моя. И вы, я уверен, хотите поскорее рассказать отцу о случившемся, так что не будем терять время и скорее поскачем к замку.

Остаток пути занял всего несколько минут. То место, где произошла стычка, было удалено от деревни и Данбера как раз настолько, чтобы звон мечей не был слышен. Засада? Вполне вероятно. Вулфрик пожалел, что не послал своих людей схватить негодяев, предательски набросившихся на его невесту. Сейчас нет смысла что-то предпринимать, разбойники давно исчезли. Но зря они думают, что кто-то смеет безнаказанно поднять руку на его собственность!

Оказавшись во дворе замка, леди извинилась и поспешила войти внутрь, а Вулфрику пришлось задержаться, чтобы расспросить сенешаля сэра Найджела, где тот думает разместить его рыцарей. Кроме того, он послал нескольких человек на поиски неизвестных. В конце концов, совсем не повредит помочь будущему тестю.

За время его отсутствия в Данбере произошло немало перемен. Для мелкопоместного барона вроде Найджела Криспина замок казался слишком большим и прекрасно укрепленным. Немногие люди, включая самых могущественных и высокородных графов, могли похвастаться таким богатством. Перед первой, старой стеной выросла вторая, куда толще и выше, а между ними было построено множество новых зданий, где могла бы разместиться целая армия. В двух просторных дворах нашлось местечко и для каждодневных воинских учений, а специально для упражнений лучников был выделен большой луг.

Вулфрику не терпелось поскорее присоединиться к невесте и узнать ее получше, поэтому он поспешил войти в главный донжон[3 - Главная, самая большая и высокая башня средневекового замка.].

Он все еще никак не мог поверить своей удаче. Видно, кто-то и в самом деле взял нахальную девчонку в руки и преподал тонкости придворного этикета. Трудно представить более идеальную жену: мягкую, скромную и милую. И к тому же она красивее Эгнис Иорк! Кожа нежнее, личико просто завораживает. Правда, она не возбуждает в нем такое же сильное желание, но можно не сомневаться, со временем придет и это. Вероятно, Вулфрик был так поражен и восхищен, что для других чувств просто не осталось места.

Внутренняя лестница, ведущая в большой зал, была ярко освещена факелами. Здесь же находилась часовня. Еще одна лестница поднималась до четвертого уровня донжона.

Вулфрик в спешке чуть не столкнулся с маленькой фигуркой, выскользнувшей из часовни, и, мгновенно поняв, кто перед ним, едва не заскрипел зубами от злости. Ничтожный слуга, должно быть, и впрямь полоумный, иначе не посмел бы так дерзить рыцарю… но, очевидно, ему удалось избежать наказания, а это уже пришлось Вулфрику совсем не по вкусу.

Именно поэтому он уничтожающе бросил:

– Молился о прощении за грех нахальства и наглости?

При этом он искренне надеялся, что подросток раскается и даст слово впредь придерживать свой болтливый язык. Но парень вместо этого громко огрызнулся:

– Молился, чтобы ты поскорее убрался отсюда, да только Господь, похоже, меня не слышит.

Это уж слишком! Какой-то жалкий слуга! Да любого на его месте попросту выдрали бы за такое обращение с будущим графом!

Вулфрик протянул было руку, чтобы хорошенько оттаскать негодника за волосы, но тот с презрительным видом отвернулся и направился в зал. Очевидно, он привык, что любая пакость сходит ему с рук, и не боялся никакого наказания.

Исходя бессильным гневом, Вулфрик погнался за ним и шел бы до самой кухни, если бы потребовалось, но тут сидевшие в зале заметили его, и сам сэр Найджел окликнул почетного гостя. Ничего не оставалось делать, кроме как отказаться от преследования.

Однако при виде невесты, сидевшей рядом с отцом, ярость словно по волшебству улеглась, и Вулфрик едва ли не бегом направился к главному очагу. Золото Найджела и здесь сотворило чудо. Вместо одного стула с высокой спинкой, обычно предназначавшегося для господина, тут стояло целых четыре, устланных пушистыми мехами, чтобы было удобнее сидеть. В центре красовался низкий столик с подносом, полным закусок и напитков. Многочисленные табуреты и скамьи служили верным признаком того, что именно в этом зале собираются по вечерам все домочадцы.

В очаге ревело пламя, разливавшее приветливое тепло, однако и в других частях помещения было совсем не так уж и холодно: высокие окна сверкали дорогим привозным стеклом, не пропускавшим мороза и дававшим достаточно света. Каменные стены были закрыты гигантскими шпалерами.

Вулфрику редко приходилось видеть столь уютный и даже роскошный зал. Пожалуй, сам король позавидовал бы такому богатству! Интересно, бывал ли здесь Иоанн? Вряд ли, иначе непременно нашел бы способ отобрать замок и деньги у Найджела.

Вулфрик поморщился. Ему совсем не хотелось преданно служить такому королю! Впрочем, его отношение к Иоанну было совершенно таким же, как у большинства аристократов. Король обладал поистине дьявольской способностью терять друзей и наживать врагов, но он все-таки монарх, и благородный человек не изменит клятве верности… пока его терпение не истощится окончательно.

Найджел поднялся, пошел навстречу гостю и повел его поближе к очагу. Похоже, он был искренне рад приезду Вулфрика и рассыпался в пространных приветствиях:

– Сердце мое исполнено счастья! Неужели ты вправду здесь, дорогой Вулфрик, и наши семьи наконец соединятся! Твой отец выслал вперед гонца, но мы не ожидали, что ты появишься так быстро, иначе я заранее предупредил бы дочь, чтобы она подготовилась получше. Но вижу, ты уже успел с ней встретиться!

Они как раз добрались до того места, где сидела леди, нервно комкая дорогую ткань платья. Вулфрик поторопился успокоить ее: приветливо улыбнулся и, взяв дрожащую ручку, поднес к губам.

– Мы действительно встретились, господин мой, – сказал он Найджелу, не сводя глаз с дамы. – Хотя и не были официально представлены друг другу.

– Я не ваша нареченная, лорд Вулфрик, – мучительно краснея, пролепетала девушка, жалея, что с самого начала, еще в лесу, не объяснила всю правду. Подвели застенчивость и боязнь ни за что ни про что расстроить этого отважного рыцаря – уж очень он грозен, а такие мужчины всегда пугали ее до слез. Очевидно, он смущен и сбит с толку, и ей искренне его жаль. – Я ее сестра, Джоан, – тихо призналась она.

Найджел с недоумением огляделся.

– Но вы… разве вы не видели Милисент? Вы вместе вошли в зал…

Вулфрик окончательно растерялся. Кроме Джоан, здесь не было ни одной женщины… и он следовал за… за… мальчишкой… Иисусе, нет, только не это! Неужели она… она… Ни за что! Значит, за все эти годы она совершенно не изменилась, и теперь он, как и боялся, обречен провести остаток дней своих с гнусной, мерзкой ведьмой!

Глава 5

– Немедленно позови ее, Джоан, и позаботься, чтобы она хотя бы раз в жизни оделась как полагается!

И этот приказ Найджел отдал дочери – той самой дочери, которую Вулфрик так самонадеянно посчитал своей невестой! Очевидно, Милисент Криспин вообще не собиралась спуститься в зал и тем более переодеваться в женское платье. Раз в жизни?! Раз? Кровь Христова, так это означает, что девица никогда не одевалась и не вела себя подобно леди, которой предположительно является по рождению и воспитанию!

Вулфрик изо всех сил старался удержать язык за зубами, чтобы, не дай Бог, не оскорбить ближайшего друга отца, хотя от ярости кружилась голова и в глазах темнело. Подумать только, девушка, на которой ему предстоит жениться, и на женщину-то не похожа! Да как мог этот человек позволить собственной дочери, и к тому же наследнице, не только расти без присмотра и совершенно одичать, но едва ли ее не оправдывать!

Пока мужчины ожидали своевольную девицу, Найджел пытался развлекать гостя историями о короле Ричарде, которым искренне восхищался, и о его бесчисленных войнах, далеко не всегда победных. Сам Найджел был покрытым шрамами, закаленным в битвах бойцом. Когда-то, совсем молодым, он отправился в крестовый поход с отцом Вулфрика. Тот был на пять лет старше и уже успел выдать замуж двух дочерей, прежде чем покинуть дом ради Святой земли. Найджел же оставил в замке только жену. Дети родились после того, как он вернулся в Англию.

Вулфрик смутно припомнил, что дочерей было две. До сих пор он почти не обращал внимания на разговоры отца с матерью, поскольку вообще не

интересовался семьей Найджела. Кроме того, он знал, что супруга сэра Криспина скончалась через несколько лет после рождения дочерей. Но то, что лишившуюся матери девушку некому было научить приличным манерам, еще не оправдывает ни ее, ни чересчур снисходительного отца! Многие благородные дамы умирают молодыми, но их дети воспитываются в строгости!

Неловкое молчание тянулось бесконечно. Слуги шныряли туда-сюда, расставляя столы, однако женщины все не возвращались.

Наконец Найджел вздохнул и пристыженно пробормотал:

– Возможно, мне следовало бы подробнее рассказать о Милисент. Она совсем не похожа на других молодых женщин ее возраста.

Слишком мягко сказано!

Но Вулфрик только обронил:

– Это я заметил.

Но даже столь осторожный ответ, видимо, задел Найджела. Тот поморщился и залился краской.

– Никогда не мог понять, отчего она вечно воображает себя мальчишкой! Милисент всегда жалела, что не родилась мужчиной. Сколько я ни пытался убедить ее, будто мне все равно, что она и без того моя наследница, ничто не помогало. Если бы она могла поднять меч, наверняка потребовала бы, чтобы ее посвятили в рыцари, и отправилась бы на войну! Ее ужасно злит сознание того, что она от природы лишена силы и мощи. Поэтому бедняжка старается любым способом стать вровень с мужчинами.

– Любым способом? – едва ворочая языком, выговорил Вулфрик, хотя, честно говоря, боялся спрашивать.

– Она охотится вместе с моими людьми и научилась мастерски владеть луком. Говоря по чести, не знаю более меткого стрелка. Сама сообразила, как защищать Данбер в случае осады, словно кто-то может потребовать от нее

подобных подвигов! Но она все равно гордится своими знаниями. Подумать только, дружит с животными, которых считает непригодными для охоты. Должен признаться, что она всегда умела обращаться с дикими зверями, будто язык их понимает! И с детства легко могла приручить любое существо!

Вулфрик почувствовал, что краснеет. Так, значит, вполне возможно, малышка Милисент не лгала, утверждая, что сокол принадлежит ей и она сама его выдрессировала!

– Итак, она предпочитает мужские занятия и развлечения? Означает ли это, что леди презирает женские?

– Не просто презирает, но отказывается и слышать о них! – признался Найджел. – Вы, разумеется, заметили ее костюм? Поверьте, я много раз пытался заставить ее одеваться как пристало женщине. Не давал ей денег на одежду и требовал, чтобы для нее шили платья под моим присмотром. Так девчонка меняла их в деревне на мужские котты и камизы[4 - Верхнее и нижнее мужское одеяние.]. Я их отбираю, она привозит крестьянам мясо и все-таки добивается своего: те снимают с себя последнее. Клянусь, мои крестьяне скоро останутся голыми! Этим летом, когда я неустанно следил за ней, сундуки их окончательно опустели!

Пожалуй, будет непростительной грубостью осведомиться, почему девчонке попросту не приказали вести себя прилично. Кроме того, Вулфрик опасался обнаружить, что Милисент нисколько не уважает собственного отца и смеет его ослушаться! Но жених имеет право знать худшее – хотя что может быть хуже этого?!

– Неужели она не понимает, что выглядит огородным пугалом и посмешищем всей округи?

– Думаете, ей не все равно? Нет, она безразлична к своей внешности. Ни капли обычного женского тщеславия.

Вулфрик сокрушенно покачал головой. Ну что с ней поделаешь? От этой болезни, очевидно, нет ни лекарства, ни спасения.

– Но почему так случилось? Почему за ней никто не следил с самого детства и не пресек подобные повадки?

Как он и ожидал, Найджел смущенно потупился. Было видно, что он сгорает со стыда.

– Как вы, должно быть, подозреваете, во всем моя вина. И единственное оправдание в том, что я ничего не знал о выходках Мили, пока не стало слишком поздно. Просто потерял голову и рассудок после смерти жены. Меня… меня словно бы не было здесь, пусть я и не покидал дома. Вряд ли вы поймете… но пучина скорби оказалась слишком глубока. И я погрузился в нее, забыв обо всем остальном. И первые годы после ее кончины почти не сохранились в памяти.

– Мой отец упомянул, что вы горячо ее любили, – неловко пробормотал Вулфрик, поскольку у Найджела был такой вид, будто он вот-вот расплачется.

– Да, я любил ее, но и не представлял себе, как сильно, пока она не покинула этот мир. Мой брат Альберт, храни его Господь, в то время жил с нами. Я доверил ему заботу о девочках, но он и сам был вдовцом и находил мальчишеские выходки Милисент забавными.

– Но вы сказали, что были здесь…

– Да, только вот трезвым меня никто не видел, – признался Найджел. – А девочки любили выдавать себя друг за друга и часто обманывали даже домашних. Поэтому я порой принимал Джоан за Милисент и не догадывался, что дело неладно, пока, как уже сказал, не стало слишком поздно. Когда же наконец мне открылась ужасная правда, оказалось, что поделать ничего нельзя и Милисент отказывается вести жизнь благородной молодой дамы. Стала настоящей разбойницей.

Вулфрик на миг замер.

– Отказывается?

– Слишком много в ней огня, в моей Милисент, не то что в ее сестре, Джоан. Та иногда даже чересчур робка. Неукротимый дух и отвагу девочка унаследовала

от матери, и это одна из причин, почему у меня рука не поднимается приструнить ее. Боюсь, она прекрасно знает, как сильно напоминает мне свою мать, – знает и беззастенчиво этим пользуется.

Никто не ожидает от отцов, чтобы те уделяли воспитанию дочерей столько же внимания, сколько обучению сыновей, и Вулфрик, стараясь быть справедливым, пробормотал:

– Вы, разумеется, вовсе не должны были наставлять ее в этикете, но неужели для этого не нашлось ни одной дамы?

Найджел покачал головой:

– После того как жена моя ушла на небо, в замке не осталось ни одной леди достаточно высокого происхождения, кроме разве жен моих рыцарей, но и у них не хватило смелости выстоять против моей упрямой дочери. Когда я пришел в себя и понял, что Милисент набралась опасных мыслей, поскорее отправил ее на воспитание в Фулбрей-Касл, в уверенности, что жена лорда Хью приберет ее к рукам. Но девочка оказалась на редкость неподатливой, и после нескольких лет неустанных попыток спасти ее душу Милисент отправили обратно с посланием, в котором говорилось, что их воспитанница безнадежна. Они перепробовали все возможное, кроме разве порки кнутом, и ничто не подействовало.

Интересно, сознает ли старик, что его дитя не только не годится в жены аристократу, но и вряд ли найдется мужчина в здравом рассудке, который захотел бы жениться на ней… Черт возьми, да ему предоставляется возможность отделаться от этой негодницы и не позорить ни себя, ни семью! Найджел сам посчитает необходимым освободить его от брачного контракта. Остается лишь тактично намекнуть ему на обстоятельства…

– Благодарю за искренность, лорд Найджел, но, учитывая все сказанное, согласитесь, вряд ли из нее выйдет хорошая жена, как по-вашему?

К его полнейшему разочарованию, Найджел улыбнулся:

– О, позвольте с вами не согласиться. Не сомневаюсь, дети и любимый муж – вот то, что может смягчить ее нрав и заставить узреть все неприличие поведения.

– Но откуда в вас такая уверенность?

– Именно так и произошло с ее матерью, а Милисент – точная копия моей покойной жены. Я уже упоминал, что у супруги до свадьбы был неукротимый характер, и, говоря по правде, окружающие считали ее наказанием Господним, особой вздорной и горделивой, с ядовитым языком гадюки, который больно ранил всех без разбора. Представьте, любовь сотворила с ней волшебство.

Как ни тяжело было удержаться от презрительной реплики, Вулфрик все же с честью вышел из положения, заметив только:

– Вы предполагаете, что она полюбит меня? А если нет?

Найджел понимающе ухмыльнулся, что еще сильнее вывело из себя собеседника.

– Я не нахожу в вас ни единого недостатка. Или вы смеете утверждать, что не можете угодить женщине? – И, заметив, что Вулфрик густо покраснел, добавил: – Боюсь, что не поверил бы вам. А моя дочь такая же, как все, и если дать ей немного времени смириться с новым положением, вы станете центром ее жизни. Даю слово, что никому, кроме сына старого друга, не доверил бы свою девочку, ибо, если вы хоть немного похожи на отца, сделаете для нее все на свете.

Эти слова окончательно убили всякую надежду Вулфрика отделаться от нежеланной невесты. Ему придется загубить свою жизнь, повесив себе на шею дьяволицу, и все потому, что он истинный сын своего отца, не какой-то грубиян и невежа, в отличие от большинства мужчин не бьет и не издевается над теми, кто слабее, поскольку отец воспитал в нем благородство и рыцарство.

Во рту стоял горький вкус желчи. Кому понравится быть наставником собственной жены?

Досада и разочарование наконец вырвались наружу, хотя тон был по-прежнему учтив:

– Однако пока эта желанная перемена произойдет, лорд Найджел, мне придется немало потрудиться. Не ошибусь, если скажу, что меня ждут каждодневные битвы в собственном доме. Она игнорирует ваши приказы. Почему вы считаете, будто со мной все будет по-другому?

– Видите ли, Милисент отлично знает, как далеко она может зайти со мной, оставаясь при этом безнаказанной. Выйдя замуж, она лишится этого преимущества. Милисент далеко не глупа, господин мой, просто… несколько странно себя ведет и горячо отстаивает то, что, по ее мнению, важнее всего на свете. И как только на нее свалятся иные заботы, все переменится.

Но в отличие от Найджела Вулфрик не был столь оптимистичным. И не верил в счастливый конец так печально начавшейся помолвки.

Глава 6

Джоан бегала по всему замку, разыскивая сестру. Куда подевалась Милисент? Наверное, поднялась в северную башню, где они жили вдвоем, но, вместо того чтобы зайти в спальню, прошла по коридору к западной башне и, спустившись по ступенькам, вышла из замка. В конце концов, Данбер – не такое уж маленькое место, и не может же Джоан бегать по всему поместью, заглядывая в каждый укромный уголок!

Наконец она отыскала сестру в конюшне, где та старалась подружиться с вороным жеребцом Вулфрика де Торпа, одним из огромных боевых коней, славившихся своей злобностью и готовых затоптать любого, кто встанет на пути. Боевые кони были малопригодны для путешествий именно из-за своей неукротимости, и рыцари старались брать в дорогу более смирных животных, а боевых коней берегли исключительно для сражений. Но и этот жеребец был настоящим великаном и не выглядел особенно приветливым… до этой минуты.

– Надеюсь, ты не пытаешься восстановить его против владельца? – тихо осведомилась Джоан, приближаясь к стойлу.

– Я подумывала именно об этом, – угрюмо буркнула сестра.

Джоан невольно улыбнулась:

– Но переменила решение?

– Да. Не хочу, чтобы пострадал несчастный жеребец, а именно так и будет, если он выйдет из повиновения. Подонок его не пощадит. В его характере жестокость и склонность причинять боль, как я узнала на собственной шкуре.

– Это случилось так давно, Мили, – мягко напомнила Джоан. – Он был тогда совсем еще мальчишкой! С тех пор многое изменилось…

Милисент вскинула голову. Глаза налились золотистым жаром.

– Ты видела, что произошло сегодня на дороге? Он ударил бы меня, не вступись ты вовремя!

– Но он не знал, что это ты.

– Не важно! Сравни нас! Я карлица по сравнению с ним, и все же он едва не поднял на меня руку.

Джоан трудно было отрицать очевидное, поэтому она ограничилась репликой:

– Зато я видела, в какой ужас он пришел, когда узнал, кто скрывается под маской дворового мальчишки.

– Вот и прекрасно! – взорвалась Милисент. – В таком случае я, пожалуй, вернусь в зал, чтобы посмотреть, как разорвут этот дурацкий контракт.

– Сомневаюсь, – покачала головой Джоан. – Разве он обладает властью нарушить договор, заключенный его отцом?

– Наверное, нет, – нахмурилась Милисент. – Но в таком случае я постараюсь, чтобы папа отказал ему. Я и без того собиралась это сделать, да только думала, что время еще есть. Что это на меня нашло? – Она презрительно фыркнула. – Ведь он мог приехать за мной сотню раз за последние шесть лет, но, видимо, не слишком рвался. Поэтому я почти о нем забыла.

Она немного преувеличивала, и обе это понимали. Просто Милисент отдала сердце другому, но не могла выйти замуж, пока старый контракт, связывающий ее с Вулфриком де Торпом, оставался в силе. Она не могла не думать о своей затянувшейся помолвке, правда, мысли эти отнюдь нельзя было назвать приятными.

– Может, он и медлил, Мили, но в конце концов явился. Что, если тебе придется все же обвенчаться с ним?

– Да я скорее брошусь вон с той башни!

– Милисент!

– Я же не сказала, что обязательно прыгну вниз, просто это такое выражение.

Джоан обессиленно прислонилась к перегородке стойла, не зная, как утешить сестру, и всей душой сострадая ее беде. Де Торп поступил жестоко, выжидая столько лет без единого послания или визита! Он не желал видеть невесту, хотя за это время они могли бы привыкнуть друг к другу и к самой мысли о будущей свадьбе. Что и говорить, они были совершенно чужими людьми, а та роковая встреча оставила горький след в душе сестры.

Неудивительно, что Милисент обратила внимание на молодого рыцаря, к которому испытывала самые нежные чувства. К тому же ему было безразлично, что суженая не похожа на других девушек. Они сделались добрыми друзьями, и Джоан, глядя на них, поняла, как важно иметь друга в собственном муже и насколько это облегчает и уменьшает страхи невесты.

Джоан два года назад обвенчали с молодым человеком, который часто наезжал погостить к ним. Впереди у них было время, чтобы привыкнуть друг к другу. Она преисполнилась самой горячей симпатии к мужу и до сих пор скорбела о своей потере: бедняга недавно умер.

Однако она родилась чуть позже и была младшей. Джоан полагала, что негоже выходить замуж прежде сестры. Должно быть, Милисент тоже стыдилась этого. И тут виноват исключительно Вулфрик. Впрочем, если Милисент и смущали подобные вещи, она умело это скрывала.

– Ты в самом деле надеешься, что теперь, когда жених все-таки приехал, папа согласится пренебречь договором? Теперь ты не можешь использовать его отсутствие как довод в своих рассуждениях!

Милисент в отчаянии прислонилась лбом к лоснящемуся боку скакуна.

– Он так и поступит, – сказала она так тихо, что Джоан едва расслышала. Неужели сестра сама верит тому, что говорит?! Но Милисент подняла голову и повторила уже громче: – Он должен! Я не могу… не могу стать женой этого зверя, Джоан! Он попросту удушит меня, если попытается сломить и заставить повиноваться. Папа знает, что я люблю другого, и согласится помочь! Вулфрик де Торп тянул с приездом сколько мог, и это позднее появление его не извиняет. Именно это и заставило меня искать другого жениха.

Слова сестры звучали на этот раз вполне резонно и были вполне искренни. Еще два года назад Милисент и не думала разрывать помолвку, заключенную при ее рождении, хотя ненавидела и договор, и жениха, но смирилась бы со своей участью, если бы Вулфрик без всяких объяснений не пренебрегал бы ею столь грубо. Кроме того, отец потакал Милисент и часто уступал ее просьбам, отчаявшись привести непокорную дочь к послушанию.

Сейчас Джоан одолевали дурные предчувствия. На этот раз отец будет непреклонен! Брачный договор – вещь священная, и не было для мужчины худшего позора, чем уклониться от его выполнения. Женщины в таких вопросах значения не имели, поскольку никто и не спрашивал об их желаниях. И Джоан без слов понимала, что сестра думает о том же: недаром ее одолевает безрассудный гнев!

Другой причиной дурного настроения Мили наверняка было внезапное нападение на дороге. Страх быстро сменился яростью. Кто мог бы ожидать столь предательской атаки в такой близости от Данбера? Поскольку они всего-навсего решили прогуляться в деревню, Милисент даже не захватила с собой оружия.

– Я рассказала папе о случившемся, – сообщила Джоан. – Он послал сэра Майло выследить разбойников.

– Хорошо, – кивнула Милисент. – Майло – настоящий рыцарь, не то что некоторые!

Джоан не посмела спросить, кого имеет в виду сестра.

– Представить не могу, кто они такие и почему старались добраться именно до тебя. Похоже, они жаждали крови.

– Ты тоже заметила? – задумчиво протянула Милисент. – Мне показалось, они так и рвались захватить меня.

Джоан кивнула:

– Верно. Но почему?

– Да причина проста. Им, должно быть, нужны деньги. Хотели потребовать выкуп за меня. Вести разносятся быстрее молнии, и все в округе знают о переменах в Данбере и о том, как набиты сундуки отца. А я его наследница.

– Верно, – хихикнула Джоан, – но кто догадался бы об этом, глядя на тебя?

Милисент, на миг забыв о неприятностях, улыбнулась.

– Так-то оно так, да за последнее время в Данбере побывало немало бродячих торговцев и менестрелей, а еще больше наемников, искавших службы, и любой мог обнаружить, кто я на самом деле. Вполне вероятно, что кто-то из обиженных наемников, которому отказали, решил, что самый легкий способ набить карманы – похитить старшую дочь хозяина замка.

Джоан согласно кивнула: да, пожалуй, это самое разумное объяснение.

– Теперь тебе придется вести себя осмотрительнее, – предупредила Джоан. – А это означает, что ты больше не сможешь охотиться, как обычно, в одиночку.

– Будь со мной лук, я и близко бы их не подпустила! Кому знать, как не тебе?

И хотя Милисент нисколько не преувеличивала, тревоги Джоан не улеглись.

– Сегодня нападавших было всего четверо. Что, если в следующий раз их будет куда больше? Ничего с тобой не случится, если не поохотишься несколько дней или станешь брать с собой охрану, по крайней мере пока негодяев не поймают.

– Посмотрим, – уклончиво пробормотала сестра, и большего Джоан так и не сумела добиться. Но она хорошо понимала, что настаивать не следует, иначе результат получится прямо противоположный. С Милисент требовалась тактика потоньше. Поэтому она благоразумно оставила эту тему… пока. Кроме того, сейчас у нее дело поважнее: недаром же она разыскивала сестру! Но как заговорить об этом без того, чтобы Милисент снова не разозлилась и не стала упрямиться?

Поэтому Джоан, боясь ступить на тонкий лед, безразлично заметила:

– Стомпер рассердится, если ты при нем станешь ухаживать за чужим конем.

Милисент ласково улыбнулась огромному жеребцу, терпеливо выжидавшему, пока и на него обратят внимание.

– Нет, он знает, что никто и никогда не отнимет у него мою любовь.

Однако она вышла из стойла, чтобы навестить старого друга. Жеребец Вулфрика попытался последовать за ней. Девушка тихо обронила несколько слов, после чего животное, словно все поняв, попятилось.

Джоан не раз становилась свидетельницей таких сцен. Сколько она себя помнила, Милисент обладала даром укрощать даже диких зверей. Они повиновались каждому ее жесту, а она, в свою очередь, словно ощущала их боль и страх, как свои, и они это чувствовали и мгновенно успокаивались. Девушка просила прощения даже у тех животных, на которых охотилась, и частенько давала им возможность скрыться в чаще или нарочно промахивалась. И никогда не убивала ради развлечения.

У Джоан тоже был такой дар, но только в отношении людей. Ей казалось, что она читает их мысли и сострадает бедам. Именно потому гость перепугал ее. Он так

и пылал гневом, и она ощущала его злость, как свою собственную, а это ее страшило.

Она до сих пор скорбела о муже и уговорила отца отказывать всем искателям ее руки, ибо не была готова вступить в новый брак. Уильям никогда не впадал в ярость. Он был слишком добродушен и беззаботен, чтобы принимать что-то близко к сердцу, и горячо любил жену. Такого другого просто нет на свете, и поэтому Джоан предпочитала оставаться вдовой.

Погладив и обласкав Стомпера, Милисент выбралась из стойла, и Джоан наконец набралась храбрости:

– Папа велел мне привести тебя в зал прилично одетой.

– Надеть блио[5 - Средневековое женское одеяние.] для него? – презрительно фыркнула Милисент. – Только в том случае, если оно будет спрядено из крапивы!

Джоан поспешно прикрыла рот ладонью, чтобы не расхохотаться.

– Ну… ничего подобного у меня нет, но я поделюсь с тобой нарядами, поскольку ты уже сожгла те, что папа велел сшить для тебя.

– В таком случае надень самый красивый и притворись мной. Я ни за что не заговорю с этим грубияном по собственной воле!

Требование вовсе не показалось Джоан абсурдным: в прошлом они часто менялись местами. Это нравилось Джоан, поскольку вместе с обликом Милисент она, казалось, обретала ее мужество и отвагу, чего ей так сильно не хватало. Но вот уже несколько лет они не дурачили обитателей замка, и она не собирается становиться Милисент: слишком уж пугал ее де Торп. Нет, ни за что, она просто не сможет сделать это!

– Мили, я не сумею. Меня трясет при одном взгляде на него, а ты ведь не хочешь, чтобы он посчитал тебя трусихой! И потому папа сразу обо всем догадается.

– В таком случае, – заявила Милисент, – скажи папе, что не смогла меня найти! Что я ушла из замка! Мне вообще не о чем разговаривать с де Торпом, все равно я найду способ разорвать помолвку, как только поговорю с папой наедине!

– Папа рассердится, если я вернусь в зал без тебя, – предсказала Джоан.

– Папа часто сердится на меня, но быстро остывает.

Но Джоан отнюдь не разделяла уверенности сестры. Вулфрик де Торп – не обычный гость, и отец потребует, чтобы ему оказывали всяческие почести, не только как графскому сыну, но и как жениху дочери. Он принимает Вулфрика как короля! И, Иисусе, она даже не велела челяди подготовить для гостя покои!

От этой мысли Джоан побледнела и поспешно бросила сестре:

– Я скажу все, но ему это не понравится. Поэтому не слишком долго тяни с этим разговором, Мили, и успокой отца. – С этими словами она вылетела из конюшни.

Милисент с недоумением посмотрела вслед сестре.

– Успокоить? – пробормотала она. – Каким это образом, если я все эти годы лишь воспламеняла его гнев? – И, рванувшись к двери, прокричала Джоан: – Это тебе, а не мне придется его утешать!

Но Джоан была уже далеко.

Глава 7

Милисент отправилась в оружейную за луком и стрелами. Конечно, это не ее собственное, хорошо пристрелянное оружие, но появиться сейчас в замке – чересчур большой риск. Ее непременно увидят и потащат в зал, а еще, чего доброго, заставят надеть блио!

Быстренько прошмыгнув в ворота, девушка скрылась в лесу. В душе все еще бурлили эмоции, и все до единой неприятные!

На тропинку выбежал заяц и замер, увидев девушку. Милисент ласково почесала его за ушами. Здесь и на лугу у нее много приятелей, и некоторых она даже приносила в замок, но далеко не всех, иначе им просто не хватило бы места!

Зверек, словно почувствовав ее досаду, быстро убежал. Девушка вздохнула и продолжила путь, бесшумно ступая по замерзшей земле. Углубившись в чащу, она снова остановилась, ловко взобралась на дерево и устроилась на толстой ветке. Внизу расстилался зимний пейзаж, и на снегу можно было разглядеть тех зверьков, которые не скрылись в теплых норках.

В Милисент кипела ярость, а это означало, что она ни за что не пустит в ход стрелы. Она никогда не охотилась в подобном настроении и захватила оружие исключительно для самозащиты, зная, что нападавшие скрываются в этой местности.

Она тоже бежала, сама не зная куда, чтобы скрыться от ранивших сердце воспоминаний. И все из-за него! Она могла бы и не запомнить тот давний день, когда была совсем маленькой, если бы не боль и страдания.

Милисент хвасталась друзьям своей новой победой над соколом. Ей наконец удалось приручить Риску. Даже сокольничий опустил руки и отказался обучать птицу, потому что Риску поймали уже взрослой, а не воспитывали с самого появления на свет. Птица отказывалась покориться, и сокольничий уже был готов, по его собственному замечанию, отдать ее поварам, и Милисент, лишь став взрослой, поняла, что он шутил. Но тогда она гордилась, что спасла жизнь Риски, укротив сокола.

И тут появляется он, высокий, надменный, и смотрит на нее с таким брезгливым видом, словно перед ним жалкое ничтожество! Будто она сотворила что-то плохое! И поскольку она занималась с Риской без ведома сокольничего, который строго-настрого запрещал ей приближаться к клеткам, девочка понимала, в чем грешна, но никак не могла взять в толк, откуда незнакомец это знает.

Но он нагло заявил, что она станет его женой, как только подрастет! Хуже и ужаснее этого она в жизни не слышала! Но почему? Он был довольно красив и

строен. Любая другая девочка на ее месте умерла бы от восторга! Но Милисент не далее как на этой неделе решила, что ни в коем случае не выйдет замуж.

Несколько дней назад один из крестьян так жестоко избил жену, что назавтра она умерла. Милисент и без того была напугана, но замечания, которыми обменивались соседи, устрашили ее еще больше.

– Она заслужила это!

– Муж вправе наказывать собственную супругу.

– Мог бы и не усердствовать так! Кто теперь будет стоять у печи?

– Жене следует повиноваться мужу и пуще всего бояться вызвать его гнев!

По мнению малышки, лучшим способом избежать всех этих ужасов было вообще не выходить замуж. Такое простое решение! Странно, почему женщины не могут до этого додуматься!

До сих пор ей никто не позаботился рассказать о помолвке и брачном контракте, и девочка считала, что находится в полной безопасности от драчливых мужей. И тут появляется он. И она смертельно перепугалась и его, и той уверенности, которая звучала в голосе новоявленного жениха.

Он, разумеется, врал, о чем Милисент без обиняков и заявила. Вообще для нее тот год выдался неудачным, хотя бы потому, что она обнаружила: многое из того, к чему она стремилась, навсегда останется для нее запретным. К тому же друзья твердили, что она ужасно вспыльчива и обладает дурным характером, и приходилось немало трудиться, чтобы держать себя в руках.

Она сорвала злость на лжеце, но когда приказала ему убраться, тот продолжал стоять и тупо на нее пялиться. Это оказалось последней каплей! Она велит выбросит его из замка и запереть ворота.

Милисент шагнула вперед, чтобы посадить Риску в клетку, и только потом позвать стражников и приказать им разделаться с наглецом. В конце концов, она дочь лорда, а этот человек неизвестно как сюда затесался!

Но Риска ощутила ее злобу и набросилась на юношу.

Милисент на миг потеряла дар речи и удивилась еще больше, когда глупец загородился рукой без перчатки. Риску еще не обучили искать добычу и возвращаться по зову. Но все ястребы и соколы по природе охотники, только они в отличие от Риски не нападают на людей. Милисент кинулась вперед, чтобы оторвать птицу, но незнакомец уже успел отбросить Риску от себя. Птица ударилась о стену и почти мгновенно погибла. Милисент даже не нужно было проверять, жива ли Риска, – она просто ощущала, как жизнь вытекает из бедняжки. В этот момент девочка вроде как немного помешалась и метнулась к обидчику, чтобы покончить с ним, как он убил ее друга.

Она обезумела от горя и не понимала, что делает, пока не отлетела от него и не врезалась в птичий насест. Девочка приземлилась прямо на неловко подвернутую ногу, услышала сухой треск кости в щиколотке и на миг лишилась чувств. Но хуже всякой боли было сознание того, что такие переломы не излечиваются и ей предстоит на всю жизнь охрометь. Таких калек даже не жалели: их и за людей не считали, обращаясь с ними как с последними ничтожествами.

Она не вскрикнула, не издала ни единого звука, возможно, из-за потрясения. По сей день Милисент так и не понимала, как у нее хватило сил вытерпеть муки и поставить кость на место. И почему она сделала это? Наверное, слишком боялась, что останется хромой навеки.

Друзья поспешили ей на помощь и втащили в замок. Ее враг исчез так же мгновенно, как появился, и больше Милисент его не видела. Но по злой иронии судьбы именно потому, что девочка не кричала и не плакала, никто не посчитал нанесенное ей увечье серьезным. Все твердили, что это просто ушиб, который скоро пройдет.

Все, кроме Джоан, которая делила с сестрой ее страх и страдания. Местный лекарь отмахивался от жалоб девочки и предложил поставить ей пиявок, чтобы оттянуть кровь. Он даже не взглянул на больную ногу! Пиявки служили ему средством от любой болезни! Что было взять с невежды!

Целых три месяца Милисент боялась наступить на ногу и отказывалась снять сапожок, туго прикрученный к стопе, из страха увидеть, что окажется внутри.

Но такое сооружение вроде бы облегчало боль, поэтому она даже спала в нем.

Но и после того как боль прошла, девочка слишком страшилась опереться на ногу или как следует ее осмотреть. Но Джоан каждое утро жаловалась, что сестра во сне постоянно толкает ее тяжелым сапогом, и Милисент все же решилась разуться, с радостью обнаружив при этом, что совершенно здорова.

И по сей день Милисент возносила благодарственные молитвы Господу за то, что не оставил ее калекой. И только не так давно узнала, что незнакомец не лгал. Она действительно обещана ему, Вулфрику де Торпу, жестоко уничтожившему Риску и едва не погубившему Милисент. Девочку как громом поразило. Узнав истину, она долгие годы терзалась тревогой, но когда ей исполнилось четырнадцать, немного успокоилась. Если до сих пор жених не вспомнил о ней, значит, вряд ли вообще приедет. Поэтому она преисполнилась решимости выйти замуж за своего друга Роланда, когда тот станет постарше. Найджелу придется смириться с доводами рассудка. Зато Милисент была уверена, что с Роландом ее ожидает счастливое супружество, потому что искренне восхищалась им и они уже успели крепко подружиться. А с Вулфриком… Страшно подумать, во что превратится ее жизнь с таким чудовищем, как он!

Спору нет, Вулфрик всегда был красив, а сейчас, став мужчиной, тем более. От него глаз не отведешь. Но до Роланда, гиганта с лицом ангела, ему далеко. Точная копия отца, которого Милисент однажды видела, когда тот приезжал в Фулбрей навестить сына.

Милисент, как и Роланда, отдали туда на воспитание. Большинство юных аристократов отсылались в другие замки на обучение ратному искусству и рыцарскому кодексу, поскольку предполагалось, что дома их могут избаловать и превратить в маменькиных сынков. Королевству были нужны закаленные рыцари. Девочек, по обычаю, тоже отдавали в дома соседей, но не всех, только тех, чьи матери умерли, но чаще отправляли ко двору.

Она была очарована Роландом с первого взгляда, особенно еще и потому, что, хотя они были почти ровесниками, восьмилетний мальчик казался настоящим великаном и остальные дети смотрели на него снизу вверх. Кроме того, он обладал редкими способностями и все схватывал с полуслова: повторять ему не требовалось. Милисент завидовала ему и его навыкам в тех воинских искусствах, которыми ей хотелось овладеть.

Вот так они и повстречались. Девочка не желала оставаться в замке, часами сидеть за шитьем, вышивкой или изучать придворный этикет и тому подобные бесполезные вещи. Зато она часами торчала на ристалище, восторгаясь удачным ударом меча, копьем, поразившим цель, стрелой, вонзившейся прямо в центр мишени, – словом, всеми мастерски отточенными приемами, от которых зачастую зависела жизнь воина на поле брани.

Два года она скрывалась от леди Маргарет, тщетно пытавшейся найти и притащить воспитанницу в комнату для рукоделия. Зато Милисент наловчилась гнуть луки и выделывать стрелы под руководством главного мастера, свято убежденного, что обучает молодого пажа, которому не терпится поскорее получить рыцарские шпоры.

У Милисент и Роланда была одна общая черта, благодаря которой их теперь было не разлить водой. Оба разительно отличались от сверстников: Милисент – своим пренебрежением к женским занятиям, Роланд – невероятным ростом и редкостными талантами.

Но они не виделись уже несколько лет, с того самого дня, как Роланд заехал навестить Милисент по пути домой в Клайдон, где собирался погостить неделю-другую. В отличие от Милисент он должен был жить в Фулбрее, пока его не посвятят в рыцари.

Наверняка это уже произошло, а она ничего не знает! Они переписывались, но нечасто, тем более что написать и передать послание с гонцом недешево стоило! А последнее время она все тянула с ответом, не зная, какими словами описать, что с ней творится, и как предложить Роланду жениться на ней.

Возможно, отец сам все уладит, как только она уговорит его отказаться от этой злосчастной помолвки?

Она так углубилась в невеселые мысли, что не услышала стука копыт, но в конце концов заметила всадника, медленно приближавшегося к дереву. Он внимательно всматривался в тропинку и ничего вокруг не видел. Милисент узнала его – один из рыцарей, приехавших с Вулфриком.

Каково же было ее удивление, когда он остановился прямо под деревом и, не повышая голоса, поинтересовался:

– Уверена, что эта ветка выдержит твою тяжесть и не сломается?

Милисент оцепенела. Даже сокольничий, которому по долгу службы часто приходилось смотреть наверх, порой не мог заметить тонкую фигурку. А этот рыцарь ни разу не взглянул в ее сторону.

Он наконец поднял голову, и Милисент заметила синеву его глаз, не таких темных, как у него, но в остальном абсолютно похожих.

– Ты не можешь быть братом де Торпа, – протянула она, – поскольку он единственный сын. Быть может, кузен?

Незнакомец на миг растерялся, но тут же, усмехнувшись, кивнул:

– Большинству посторонних и в голову бы не пришло, что мы в родстве. Откуда ты узнал?

Верно, сходства между ними почти не было, если не считать глаз. Зоркий рыцарь ниже ростом, более худой, со светло-каштановыми волосами. У Вулфрика они черные как смоль. Кроме того, он далеко не так красив: нос толще, подбородок круглый, брови прямые и густые, а не изогнуты домиком, как у Вулфрика.

– По глазам, – призналась девушка. – Они чуть светлее, но тоже темно-синие.

– Верно, – согласился он. – Мы братья по отцу, хотя моя мать – крестьянка.

Значит, бастард? Что ж, явление нередкое. Некоторые даже становились наследниками, если не было законных. Странно только, почему она не испытывает к нему такой же острой неприязни, как к Вулфрику. Наверное, потому, что на первый взгляд он кажется достаточно добродушным, незлым и всегда готовым посмеяться. Милисент не заметила в нем ничего угрожающего. Вполне вероятно, что они с братом совершенно разные люди.

– Что ты делаешь в лесу? – полюбопытствовала она.

– Пытаюсь выследить глупцов, которые решились воевать с дамой.

Очевидно, он имел в виду тех негодяев, что напали на них утром. Неужели сэр Майло попросил у него помощи? Странно, тем более что в замке полно рыцарей.

– Может, тебе лучше спуститься, пока ветка не треснула? – предложил он.

– Во мне слишком мало веса.

– Верно, ты совсем мал, – согласился рыцарь, – но куда старше, чем кажешься.

– С чего ты взял?

– Слишком уж ты проницателен для простолюдина, причем такого юного, каким прикидываешься.

Милисент сообразила, что он принимает ее за мальчишку, как, впрочем, поначалу и его брат.

– И чересчур дерзкий, – добавил рыцарь. – Кто же ты, паренек? Фригольдер[6 - Свободный крестьянин.]?

– Предпочла бы им быть, сэр, по крайней мере не пришлось бы столько терпеть. Нет, я дочь сэра Найджела Криспина.

Незнакомец отшатнулся и едва слышно пробормотал:

– Бедняга Вулф!

Только Милисент с ее необычайно острым слухом могла расслышать столь оскорбительную реплику. Значит, он жалеет своего братца, связанного словом с подозрительной особой. Никто не сострадает ей, вынужденной терпеть жестокое чудовище! Но когда мужчины сочувствовали женской участи?!

Милисент ловко, как белочка, скользнула по стволу и спрыгнула на землю прямо перед мордой лошади. Животное испуганно попятилось, но девушка немедленно

протянула руку и произнесла несколько слов на древнесаксонском. Конь тут же потерся носом о ее ладонь.

Рыцарь недоуменно моргнул, но девушка, не обращая внимания на его удивление, негодующе выпалила:

– Да, твой брат достоин жалости, ибо не обретет ни мира, ни покоя в вынужденном браке.

И уже шагнула было к зарослям, но, услышав его голос, снова остановилась.

– Интересно, грязь служит тебе прикрытием, или ты попросту считаешь, что вредно часто мыться?

Милисент круто повернулась. Какое, спрашивается, ему дело?!

– Что еще за грязь? – прошипела она.

Рыцарь улыбнулся. У глаз собрались морщинки.

– На лице и руках, леди, та, что плотным панцирем покрывает кожу. Весьма надежное средство, мешающее посторонним разглядеть женщину под маской оборванца. Вы намеренно это проделываете или просто давно не видели собственного отражения?

Милисент скрипнула зубами.

– Пусть тщеславные дурочки часами глядятся в зеркало, и хотя это вас не касается, я моюсь раз в неделю – куда чаще, чем другие.

– В таком случае, – хохотнул незнакомец, – на этой неделе, вероятно, вам еще предстоит залезть в лохань.

Милисент едва сдерживалась, чтобы не вытереть лицо рукавом и проверить, не лжет ли насмешник, но что-то подсказывало ей грустный ответ. Недаром Джоан то и дело оттирала физиономию сестры от грязи и сажи, если, конечно, Милисент удавалось выстоять на месте хоть минуту. Но домочадцы словно

ничего не замечали, и она привыкла ходить неумытой. Впрочем, какое это имеет значение? Как глупо и… и по-женски тщеславно заботиться о своей внешности!

Теперь она назло чужакам не станет мыться, по крайней мере пока Вулфрик не уберется из Данбера, чего, по всей вероятности, не придется долго ждать. Если уж его братец заметил, какая она чумазая, сам Вулфрик наверняка сделает все, чтобы избавиться от такой невесты.

Поэтому Милисент, мило улыбнувшись на прощание, бросила:

– Советую побеспокоиться о себе, сэр, боюсь, у вас просто не будет времени потребовать горячей воды, прежде чем вас выкинут из замка.

И с этими словами нырнула в чащу и мгновенно исчезла из виду.

Глава 8

Милисент, пропустившая и обед, и ужин, сейчас буквально умирала с голоду, но слишком спешила к отцу, чтобы тратить драгоценное время на кухне. Дело в том, что Найджел, слывший рабом привычек, отправлялся спать каждый вечер в одно и то же время, даже если в замке было полно гостей. Оставалось выбрать подходящую минуту, пока он еще не успел мирно захрапеть.

Девушка прокралась в небольшую каморку перед покоями отца, где ночевали молодые оруженосцы, и подождала, пока они подготовят господина ко сну и выйдут. Долго ждать не пришлось. Вскоре появились оба парня и, узнав ее, проводили любопытными взглядами. Милисент молча прошла мимо и затворила за собой дверь.

Плотные занавеси на кровати были сдвинуты, чтобы не пропускать сквозняков, поэтому девушка громко откашлялась, давая знать отцу о своем присутствии. Она ничуть не беспокоилась, что может застать в его постели женщину: насколько ей было известно, отец так и не завел любовницу. Он все еще лелеял дорогие сердцу воспоминания о той, по которой до сих пор тосковал. Милисент жалела, что почти не знала матери – необыкновенной женщины, заслужившей

такую верность и преданность. Девочке было всего три года, когда та умерла, и в памяти Милисент остались только сладостное благоухание да нежный голос, способный развеять все страхи.

– Так и думал, что ты появишься, – обронил отец, отодвигая полог.

Милисент медленно, настороженно приблизилась, пытаясь угадать по его тону, сильно ли он сердит. Девушка знала, что сэр Найджел несколько раз посылал за ней и Джоан, и слуг, которых она весь день водила за нос.

– Ты не слишком устал, чтобы немного поговорить? – вежливо осведомилась она, садясь на край кровати.

– С тобой всегда интересно беседовать, Мили, потому что ты не похожа на других и высказываешь совершенно неожиданные мысли. Как бы я ни утомился, всегда готов потолковать с тобой.

– Значит, ты находишь меня интересной? – нахмурилась Мили. – Но, бьюсь об заклад, остальные так не считают.

– Если думаешь, что я начну тебя разубеждать, не надейся. Окружающие действительно находят тебя странной. Хорошо, что ты не питаешь иллюзий относительно этого и не чувствуешь себя оскорбленной. Запомни, дочь моя, если стремишься отличаться от других, ты должна сознавать все последствия подобных поступков. В самой природе человеческой – тянуться к тому, что обычно и традиционно, и опасаться всего иного.

– Никто меня не боится, – фыркнула девушка.

– Верно. Но только те, кто хорошо знает и тебя, и твои привычки. Для них твое поведение вполне обыденно, потому что такова ты с самого детства. Однако ты жестоко ошибаешься, если воображаешь, что их отношение позволит тебе и дальше так жить. Это невозможно, Мили, оставь свои бредни, – печально заключил отец.

Девушка и не подумала принять его слова близко к сердцу. Она не станет угождать каким-то чужакам, называющим ее манеры неприличными для

женщины. Слишком долго Милисент боролась за то, чтобы окружающие признали за ней право вести себя, как ей угодно! Почему она вдруг должна сдаться и прекратить борьбу? Только из-за приезда де Торпа?

Но отец неумолимо продолжал:

– Ты уже достаточно взрослая и сообразительная, чтобы понять, какие преимущества дает разумный компромисс.

– И что это означает? – вскинулась Милисент.

– Только то, что тебе ничего не стоит надеть красивый наряд и постараться понравиться будущему мужу. Подчеркиваю, все это для твоего же блага. Вместо этого ты вообще не показалась в замке. Разве было так уж необходимо позорить меня перед сыном старого друга?

– Нет, папа, ты ведь знаешь, что я вовсе не этого добивалась!

– Но так вышло. Неужели так трудно встретить гостя с подобающим почтением?

– От меня он никакого почтения не дождется, – промямлила Милисент.

– Но отчего? – нахмурился Найджел. – Как твой нареченный он заслуживает всяческого уважения.

– А я считаю иначе.

– Иначе?

Именно за этим и пришла Милисент и сейчас поспешила выпалить, прежде чем отец ее остановит:

– Не хочу выходить за него, папа! Сама мысль об этом мне противна. Я стану же…

– Так всегда и бывает перед свадьбой…

– Вовсе нет! Все дело в нем! Сегодня утром, на той тропинке, он едва не сбил меня с ног и растоптал бы конем, если бы не вступилась Джоан. И все потому, что я спросила, почему он не отправится в погоню за нападавшими, – горячо объявила девушка, не стыдясь кривить душой перед отцом. Следовало бы, конечно, упомянуть о том, что Вулфрик понятия не имел, кто она. Но к сожалению, отец оказался слишком проницательным.

– Он принял тебя за мальчишку, Мили, и к тому же простолюдина. Сама знаешь, как поступают с крестьянами, посмевшими дерзить господам. Иногда и за меньшее вешают. Так что он оказался довольно милостив, да к тому же все-таки не ударил тебя.

– И ты готов позволить ему бить свою дочь? – гневно вспыхнула Милисент.

– Сомневаюсь, что он пойдет на это, – отмахнулся Найджел, – и по чести говоря, дочка, это ты то и дело стараешься бросить ему вызов. В конце концов, дело твое: если предпочитаешь миру и спокойствию скандалы и драки, так тому и быть.

– Я вообще не желаю его видеть! И хочу выйти замуж за Роланда Фитц-Хью из Клайдона! Мы знакомы с детства и успели подружиться!

– Сына лорда Ранульфа?

– Именно.

– Разве он не один из ленников Гая де Торпа?

– Да, но…

– И ты стремишься выйти замуж за вассала, хотя могла бы обвенчаться с сыном сюзерена и наследником графа? Не будь дурой, Мили!

– Не стань ты другом графа и не спаси ему жизнь, вряд ли бы меня посчитали достойной невестой для его сыночка!

– Тем более есть причина гордиться. Он сам предложил этот брак, и было бы тягчайшим оскорблением отказаться! Тебе следовало бы радоваться тому, что когда-нибудь станешь графиней.

– Зачем мне титул, когда вся моя жизнь превратится в ад? Именно этого ты хочешь для меня? Обречь на многолетние муки?

– Нет, я думаю только о твоем благоденствии, Мили. И не сомневаюсь, что ты будешь счастлива, как только отрешишься от глупой уверенности в том, что не сумеешь полюбить Вулфрика. Поверь, у тебя просто нет причин его не любить.

У Милисент так и чесался язык открыть отцу истинную причину ненависти к Вулфрику, ухитрившемуся за несколько секунд прикончить ни в чем не повинную птицу и едва не искалечить ее хозяйку. Но поскольку отец до сих пор не подозревал о случившемся… Зачем она просила Джоан занять ее место, пока три месяца не вставала с постели?! Теперь отец ни за что не поверит, что она так долго болела, а если и поверит, встанет на сторону Вулфрика, утверждая, что тогда он был совсем мальчишкой и должен быть прощен за детские грехи.

Поэтому она привела другой аргумент, не столь правдивый, который, однако, посчитала достаточно веским:

– Я не могу любить Вулфрика де Торпа, потому что питаю глубокие чувства к Роланду и только с ним буду счастлива. Он станет добрым мужем. Таким же снисходительным, каким был ты, отец.

Найджел медленно покачал головой.

– Ты говоришь о детском увлечении. Это не любовь…

– Неправда!

– Да ведь ты не видела его почти два года… Я хорошо помню его приезд сюда. Чудесный парень. Такой учтивый, вежливый и неглуп. Его манеры безупречны. Не сомневаюсь, что он станет снисходительным мужем. Но я оказал тебе плохую услугу своим попустительством. Сейчас тебе необходима строгость. Пора тебе смириться с тем, что ты родилась женщиной и рано или поздно должна стать

женой и матерью и вести себя как подобает. Или ты намерена позорить меня до конца дней моих?

Милисент побледнела. Отец никогда не говорил с ней в подобном тоне… нет, это не совсем так… Он много раз твердил, как ему неудобно из-за ее выходок, однако она не принимала его слов всерьез и предпочитала идти своей дорогой. Но теперь…

– Ты стыдишься меня? – едва слышно выдавила она.

– Нет, дитя мое, не стыжусь, но крайне разочарован тем, что ты не способна смириться с участью, которую определил тебе наш милостивый Господь. И очень устал от твоего вечного непослушания. Ты и понятия не имеешь, какое неуважение выказываешь мне своей непокорностью, подавая при этом дурной пример остальным…

– Но это не так!

– К несчастью, так, Мили. Если мужчина не в силах справиться с собственной дочерью, имеет ли он право командовать посторонними людьми или требовать от них повиновения? Так вот, это моя последняя просьба. Либо ты исполнишь ее, либо навсегда покинешь мой дом. Прими условия контракта, заключенного ради твоего же счастья. Сделай это если не для себя, то для меня.

Как она могла отказаться? И как обречь себя на брак с презираемым ею человеком?

Видя ее колебания, Найджел пожалел дочь:

– Тебе вовсе не нужно идти под венец завтра. Я даю тебе время получше узнать жениха. Месяца хватит?

– А если я все-таки посчитаю, что он не будет мне достойным мужем? – настаивала девушка.

Найджел вздохнул:

– Я знаю тебя, дочь, и твое ослиное упрямство. Не попробуешь ли переломить себя и начать все сначала? Пожелаешь ли стать справедливой и дать ему возможность проявить себя с хорошей стороны?

Способна ли она на это? Как трудно смирить столь сильные чувства!

– Не знаю, – честно ответила девушка.

Найджел едва заметно улыбнулся:

– Все же лучше, чем ничего.

– А если я так и не полюблю его?

– Если я увижу, что ты пыталась, по-настоящему пыталась… что ж, тогда посмотрим.

И хотя это было слабым утешением, Милисент опасалась, что большего она не добьется. Слишком долго мечтал отец о союзе с семейством Торпов.

Глава 9

Попрощавшись с отцом, Милисент спустилась на кухню, не потому что все еще хотела есть, просто по давней привычке. Она совершенно потеряла аппетит, и неудивительно: к горлу подкатывала желчь.

Оказавшись посреди кухни, она с недоумением огляделась, словно не понимая, как попала сюда. Милисент даже не могла припомнить, как спускалась по ступенькам, так была занята невеселыми мыслями.

Дать ему возможность доказать, что он не так уж плох? Она в самом деле согласилась на такое, прекрасно зная, что он собой представляет? Дрянному мальчишке не стать порядочным мужчиной. Только сегодня утром она получила достаточное тому доказательство. Вулфрик по-прежнему любит издеваться над

маленькими и слабыми, и горе тому, кто пытается ему противоречить!

– Так вот где ты скрывалась весь день?

Милисент, не веря собственным ушам, обернулась. Он стоял на пороге, полностью загородив саженными плечами дверной проем. В комнате, где целый день полыхал огонь в очагах, было еще тепло, и в полумраке его огромная фигура представлялась еще более зловещей. Глаза казались глубокими темными колодцами, доходившие до плеч волосы отливали синевой. Настоящий дикарь!

Роланд, пожалуй, был даже выше Вулфрика – истинный гигант, как и его отец, – но в его присутствии она совсем не испытывала страха. Ее бесило сознание того, что этот человек вселял в нее ужас – в нее, такую дерзкую и смелую! Должно быть, всему виной боль и муки, в которые он ее вверг. Именно поэтому она сжимается и трепещет в его присутствии.

И после всего Милисент должна дать ему шанс доказать, что он заслуживает ее уважения? Как она может решиться на такое? Всего лишь однажды она позабыла о своей боязни: когда кричала на него сегодня утром, и то лишь потому, что была вне себя от гнева на человека, упустившего неведомых врагов. Ярость служила ей щитом, позволявшим выстоять против Вулфрика. Но если попытаться выполнить просьбу отца, то ей следует забыть о спорах с женихом.

– Итак, можно добавить к длинному списку ваших «достоинств» еще и глухоту? – осведомился он, не получив ответа.

Милисент сжалась.

– Списку недостатков, хочешь сказать? – пренебрежительно бросила она. – Нет, я ни от кого не скрываюсь. Но почему ты здесь? Неужели и тебя не покормили?

– Просто есть не слишком хотелось. Зато теперь я проголодался. Лучше спроси, почему я потерял аппетит.

Милисент свела брови, отчетливо ощущая, как он зол. Зол и во всем винит ее. Может, он и прав. Но несомненно, стал причиной того, что у нее сегодня крошки

во рту не было.

– Думаю, тебе так же не по душе этот брак, как и мне! – без обиняков заявила она.

– Верно, – кивнул Вулфрик.

Вместо того чтобы оскорбиться, Милисент ощутила облегчение. Если он так сильно недоволен, наверное, поговорит со своим отцом. Ее отец заупрямился, но вдруг Вулфрику повезет больше? Пожалуй, ей стоит быть с ним откровеннее!

– Ты, должно быть, уже понял, – осторожно начала она, – что я не хочу выходить за тебя. – И чтобы смягчить удар, добавила полуправду: – Дело не столько в тебе… Просто я люблю другого.

Очевидно, она зря это сказала: лицо Вулфрика напоминало грозовую тучу.

– Я тоже, но какое это имеет значение? У нас будет обычный брак, как у всех.

– Но у моих родителей было совсем по-другому, – возразила Милисент. – Я мечтаю о большем.

– Твои родители были редким исключением, – бросил Вулфрик. – Ты прекрасно знаешь, что между аристократами, как правило, заключаются политические союзы, и ничего больше. Любовь никогда не принимается во внимание.

– Не хочу становиться правилом!

– Но так и будет, и только такой ребенок, как ты, способен думать иначе.

– Ребенок? Да тебе это нравится ничуть не больше, чем мне! – справедливо заметила она. – Почему же ты смиренно принимаешь то, что за тебя решили другие? Почему не побеседуешь со своим отцом? Не возмутишься?

– Думаешь, я уже не пробовал?

Милисент сникла. Значит, он уже пытался что-то сделать и, судя по безнадежным ноткам в голосе, так ничего и не добился.

– По-моему, ты слишком легко сдаешься, – с горечью выдохнула она, понимая, что и сама не выказала достаточно мужества.

– Я не спрашиваю твоего мнения, девушка, поскольку твое поведение доказывает, что ты все еще дитя, а с детьми мне разговаривать не о чем.

И такому человеку она должна дать шанс? Шанс лишний раз оскорбить и унизить ее? Да, достойный муж из него получится – такой же достойный, как свиньи, что хрюкают и роются в кухонных отбросах!

Лицо Милисент побагровело от гнева.

– А ты способен прислушиваться к чьему-то мнению, кроме своего? Странно. Никогда бы не подумала! Мужчины, подобные тебе, слушают лишь себя!

Укол попал точно в цель. Его лицо приняло такой же цвет, как ее собственное. Он сделал несколько шагов вперед, оказавшись в опасной близости от Милисент. Она совсем забыла, как он расправляется с теми, кто говорит правду, – кулаками и мечом.

Но Милисент не съежилась, не попятилась, не закрылась руками, даже когда сильные пальцы сжали ее подбородок, не причиняя, правда, боли, но достаточно крепко. Она как зачарованная смотрела в его глаза.

– Ты научишься, девушка, говорить учтиво или надолго замолчишь, – пригрозил он.

– Неужели?

Голос ее предательски дрогнул, и Вулфрик, заметив это, улыбнулся. Его зловещая, кривая ухмылка, обещавшая несказанные неприятности, поселила трепет в ее душе.

Близость жениха просто ошеломляла ее. Почему она не чувствует себя такой маленькой рядом с Роландом, который куда выше ростом? Может, потому, что никогда так остро не ощущала его присутствия?

Вулфрик нагнулся, и она едва подавила желание отпрянуть.

– Обязательно, и очень быстро, поскольку я не твой отец, и не воображай, что сможешь по-прежнему своевольничать, как дома.

– Но ты даже не знаешь, много ли мне позволялось.

– Я и так все вижу и крайне недоволен. И требую, чтобы ты при следующей встрече была одета как полагается. Передать невозможно, как мне неприятно, когда моя невеста выглядит хуже последней нищенки.

Милисент охнула и, протиснувшись мимо него, вылетела из кухни. Позади раздался смешок:

– Как! Ты даже не соизволила подать ужин будущему мужу?

Девушка благоразумно помедлила, пока не добралась до лестницы, ведущей в зал, прежде чем завопить во все горло:

– С удовольствием, только если потребуешь подать на блюде твой собственный злобный язык!

Глава 10

– Пора вставать, госпожа.

– Разве? – пробормотала Милисент, уткнувшись в подушку.

– Да, только выгляните в окно! Солнце уже встает, – заверила служанка.

– Сама посмотри в окно, Ина, пока я немного подремлю.

– Вы ведь никогда не спите допоздна!

Служанка решительно стянула с нее одеяло, но Милисент, недовольно заворчав, едва успела его подхватить.

– Верно. Однако я полночи глаз не сомкнула и теперь хочу наверстать упущенное. Убирайся, Ина. Придешь через час… или через два… А лучше через три. Да, три в самый раз.

Служанка, недовольно поцокав языком, выплыла из комнаты и закрыла за собой дверь. Милисент довольно вздохнула и зарылась поглубже в перину. И все же ничего не вышло. Одеяло снова куда-то уплыло.

– Если немедленно не подниметесь, пропустите обед, – предупредила Ина.

Милисент, охнув, подскочила:

– Обед? Ты позволила мне валяться едва ли не весь день?

Обед подавали ближе к полудню. Милисент никогда еще не бездельничала так долго! Она с самого детства была ранней пташкой.

Служанка ответила страдальческим взглядом, яснее всяких слов говорившим: «Я пыталась, но вы ничего не желали слушать».

В молодости Ина была идеальной служанкой, но она слишком долго заботилась о сестрах и теперь относилась к ним покровительственно и с немалой долей снисхождения.

Милисент, не обращая на Ину внимания, встала с огромной постели, которую делила с сестрой. Джоан, разумеется, поднялась вовремя и все утро развлекала гостей: одна из бесчисленных обязанностей, выпавших на долю хозяйки замка. Джоан, несмотря на то что была младшей, считалась госпожой, потому что Милисент ни до чего не было дела.

Сбросив ночное теплое одеяние, в котором спала зимой, Милисент вынула из сундука чистую камизу и набедренную повязку и уже хотела натянуть их на себя, как вспомнила, что обещала отцу предстать перед женихом в приличном виде. Но она ничего не может с собой поделать! Выбросив из головы все клятвы, Милисент поспешно перетянула шоссы подвязками из серебряного шнура. Носить женское платье только потому, что приказал Вулфрик? После того как он оскорбил ее, сравнив с нищенкой?

Презрительно фыркнув, она поискала глазами сапожки и, не найдя, обратилась к Ине:

– Где мои ботты[7 - Мягкие короткие сапожки.]?

– Под кроватью, где вы их вчера бросили.

– Я никогда их не бросаю. И оставляю обычно у таза с водой. Ты ведь знаешь, я не могу спать с грязными ногами! Сама грела мне воду!

После того как мучилась с ногой, Милисент не могла уснуть, не вымыв предварительно ноги.

Ина залезла под кровать и с торжествующим видом извлекла оттуда пропавшие сапожки.

– Может, поэтому вы так долго ворочались прошлой ночью?

Милисент вспыхнула. Вчера она была так расстроена и растеряна, что обо всем забыла. Ей было совершенно необходимо потолковать с Джоан, но сестра почти сразу уснула, и было поистине грешно будить ее после всех дневных хлопот. Поэтому Милисент легла в постель, не поделившись своими бедами, и теперь груз забот с новой силой давил на плечи.

Громкое урчание в животе напомнило о том, что вчера у нее маковой росинки во рту не было. Пора исправить эту несправедливость. Однако когда она потянулась за плащом из толстого сукна, служанка протянула ей другой.

– Если не хотите исполнить желание своего дорогого папочки, по крайней мере накиньте это в честь нашего гостя, – попросила она.

Она держала в руках длинную мантию, более подходящую для того, чтобы носить ее поверх блио, – красивую вещь из синего бархата, отделанную темным мехом. Милисент поняла, что Ина не отвяжется, и со вздохом кивнула, позволив служанке надеть ей плащ на плечи и скрепить его золотыми застежками и цепочками. Однако служанка так и не добилась того впечатления, на которое рассчитывала: плащ выглядел бы куда лучше вместе с голубым блио, для которого и был сшит.

Оставив Ину вздыхать и сетовать, Милисент поспешила из спальни. В большом зале стоял шум: домочадцы уже собирались к обеду. Милисент почти сбежала вниз: судороги в желудке побуждали ее поторопиться. Но на последней ступеньке замерла как вкопанная. У подножия лестницы, словно дожидаясь ее, стоял Вулфрик. Он медленно обвел ее взглядом и укоризненно покачал головой:

– Вижу, девушка, ты ничего не доводишь до конца, все бросаешь на полпути. Немедленно вернись и доверши начатое.

Кулаки Милисент сами собой сжались, подбородок упрямо приподнялся, глаза сверкнули. Она уже хотела дать достойный отпор, но Вулфрик спокойно продолжал:

– Если не хочешь, конечно, чтобы я помог. Или оденься, как приличествует моей невесте, или я сам тебя одену.

– Не посмеешь! – прошипела она.

– Хочешь проверить? – хмыкнул Вулфрик. – Расспроси получше священника о брачных контрактах и поймешь, что мы, в сущности, уже муж и жена, только что в постель не легли. А это означает, что я имею над тобой куда больше прав, чем отец. Договор между нашими родными отдает тебя моей семье, и, если бы они пожелали, мой отец распорядился бы, кто будет тебя воспитывать, где будешь жить, и даже поместить тебя в монастырь до венчания. Очевидно, он совершил ошибку, оставив тебя здесь, но я в силах исправить содеянное. Поэтому либо ты отныне будешь выглядеть истинной леди в соответствии со своим происхождением, либо я помогу тебе в этом. Итак, ты нуждаешься в моем

содействии?

Милисент не двигалась, словно громом пораженная. Вне себя от бешенства, она уже открыла рот, чтобы осыпать его ругательствами, но, заметив, как нахмурился отец, промолчала, пронзила Вулфрика гневным взглядом и направилась наверх.

Невыносимо! У этого человека нет ни такта, ни сочувствия, ни понимания! Мерзкая тварь! Так и подначивает ее на ссору, постоянно бросает вызов! Надеется, что она взорвется и тогда можно будет со всем основанием снова показать ей, кто сильнее?

Милисент нисколько не сомневалась, что так и произойдет. Гнусный болван способен на любую пакость!

Глава 11

Вулфрик довольно усмехнулся. Значит, лорд Найджел все-таки был прав! Девушка рано или поздно покорится, просто потому, что не знает его и понятия не имеет, чего ожидать от мужа и какими средствами тот собирается добиться ее повиновения. Не знает и не слишком стремится узнать.

Однако сам он по-прежнему едва ее выносил. От нее ему не дождаться нежной супружеской заботы и ласки. Мало того, она дерзко призналась, что любит другого и, следовательно, тоже не будет счастлива в браке и не позволит ему забыть, что пошла под венец против воли. Манеры ее ужасны, и их супружеская жизнь превратится в нескончаемый поединок. Но, силой или убеждением, он сделает из нее леди! И не позволит позорить его перед родителями и друзьями!

Мимо него поспешно пробежала наверх леди Джоан с озабоченным лицом. Должно быть, стала свидетельницей неприятной сцены и сожалеет, что не она старшая дочь. Да, вот из нее вышла бы идеальная жена! Участливая, милая, добрая, всегда готовая угодить – словом, полная противоположность сестры.

Найджел попытался пригласить его за стол, но Вулфрик решил немного подождать. Он не оставит своего поста у лестницы, иначе девчонка снова улизнет из зала – только ее и видели! Вулфрик вспомнил, что вчера она исчезла, так и не появившись внизу, и, расспросив слугу, где находится второй выход, перебрался к той лестнице, что вилась у часовни.

И в самом деле, вскоре послышались легкие шаги. Кто-то сбегал по ступенькам. Да, сообразительная девчушка, ничего не скажешь! Нужно признать, у нее острый ум. Вчера ночью он лег в постель, посмеиваясь над ее ехидным замечанием. Подать ему его же язык, подумать только!

Но, к его удивлению, это оказалась Джоан. И тут Вулфрика осенило.

– Похоже, я опоздал, – вздохнул он. – Ее уже не оказалось наверху, так ведь?

– Ее?

– Не стоит защищать свою заблудшую сестру, Джоан, и делать вид, что не понимаешь. Значит, она решила снова скрыться на целый день?

– Ошибаетесь.

– Разве?

Вулфрик нахмурился и отступил.

– В таком случае не покажете ли, где она?

– Я уже показала, – загадочно ответила девушка и, скользнув мимо, поспешила в зал.

Вулфрик помрачнел, как осеннее небо. Он терпеть не мог загадок и недомолвок и теперь не знал, что лучше: поискать наверху пропавшую невесту или последовать за Джоан и узнать, в чем дело.

Досадливо покачав головой, он направился в зал и, не веря собственным глазам, узрел… двух Джоан! Вулфрик окаменел, уставясь на женщин в голубых

бархатных блио с синими зашнурованными лифами, сидевших по обе стороны от сэра Найджела. Похожи как две горошины!

Наверное, это обманчивое зимнее освещение… Но день сегодня ясный, и на стенах не пляшут тени. Вулфрик шагнул поближе и все-таки не нашел никакой разницы между девушками. Одинаковые фигуры, глаза, невыразимо прекрасные лица. Приглядевшись, он заметил, что одно блио было вышито по вырезу и рукавам золотой нитью, а другое – серебряной. Вот и все различие.

Но почему же он был так слеп?

Вулфрик прикусил было губу от досады, но тут же все понял. Каждый раз, встречаясь с Милисент, он так гневался на ее дурацкий вид и непристойные наряды, что не дал себе труда рассмотреть ее получше. А как он злился на то, что ее стройные ноги туго обтянуты чулками и каждый мужчина может ими любоваться! И притом не подозревал, что под грязью и сажей скрывается нежная, как лепестки роз, кожа. Каждый раз гнев и страх, что она окажется в точности такой, какой он себе представлял, туманили ему глаза.

Он продолжал путь к высокому столу, где сидел хозяин дома, со стыдом сознавая, что понятия не имеет, с которой женщиной сесть рядом. Ни одна не поднимала на него глаз, ни словом, ни намеком не давая знать, где его невеста.

Вулфрик редко попадал в столь неловкое положение, и это крайне ему не понравилось. Кому охота чувствовать себя последним дураком, и все лишь потому, что у Найджела Криспина когда-то родились двойняшки! Отец, вне всякого сомнения, упоминал об этом, но он либо не обратил внимания, либо просто пропустил мимо ушей. Так или иначе, ему стоит во всем винить себя.

Беда в том, что теперь он даже не способен определить, кто из них Милисент, не став предметом насмешек, поэтому и подошел наугад к той, что сидела ближе к лестнице. Однако она оказалась так добра, что предупредила его, прошептав:

– Уверены, что хотите сесть именно здесь?

Облегченно вздохнув, Вулфрик направился к ее сестре, но та поспешно пробормотала:

– Я Джоан, лорд Вулфрик. Разве вы не хотите побыть рядом со своей нареченной?

Вулфрик покраснел, но румянец еще сгустился, когда он услышал смешок Милисент. Лорд Найджел закашлялся, очевидно, поняв проделку старшей дочери. Или привык к подобным выходкам двойняшек?

Но Вулфрику было не до смеха, особенно потому, что пришлось – в который раз! – совершить все тот же путь. Слава Богу, что не догадался поблагодарить Милисент за «своевременное предупреждение»!

И чтобы сорвать досаду, он рывком поднял скамью и Милисент и отодвинул подальше, чтобы устроиться без помех. Девушка охнула, схватилась за стол, и Вулфрику сразу стало легче. Милисент пронзила его полным ненависти взглядом.

– В следующий раз не забудь предупредить, когда начнешь двигать мебель, – прошипела она.

Вулфрик поднял брови:

– В следующий раз не пытайся меня одурачить, притворившись собственной сестрой!

– Я никем не притворялась, – бросила она. – Просто, учитывая все неодобрительные реплики и неприязненные взоры, которыми ты преследуешь меня с самого своего приезда, предположила, что тебе вряд ли захочется делить со мной обед.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Штаны-чулки. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Широкий венец с полотняной повязкой, охватывавшей голову и подбородок.

3

Главная, самая большая и высокая башня средневекового замка.

4

Верхнее и нижнее мужское одеяние.

5

Средневековое женское одеяние.

6

Свободный крестьянин.

7

Мягкие короткие сапожки.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhoanna-lindsey/uzy-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить